П. МАХРОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТКА

о

ВИЛЕНСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ

Париж

1959

П. М А Х Р О В

И С Т О Р И Ч Е С К А Я   П А М Я Т К А
о
В И Л Е Н С К О М   В О Е Н Н О М   У Ч И Л И Щ Е

П а р и ж

1 9 5 9

П. МАХРОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТКА
О ВИЛЕНСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ

I.

Характеристика военных училищ до реформы 1864 года

Виленское военное училище, как таковое, начало свое существование 1го сентября 1910 года. В этот день оно было переименовано в училище военное из Виленского пехотного юнкерского училища, основанного в 1864 г.

До военных реформ императора Александра II для подготовки офицеров существовало семь военно-учебных заведений: два военных училища - 1ое Павловское и 2ое Константиновское, два кадетских корпуса - Пажеский и Александринский сиротский и три специальных училища - Михайловское артиллерийское, Николаевское инженерное и Николаевское кавалерийское. Старейшими из них были: Павловское военное училище и пажеский кадетский корпус, основанные императором Павлом. Константиновское начало свое существование в 1807 г., будучи преобразовано из Дворянского полка, а Александринский сиротский корпус в 1863 г. стал 3м Александровским военным училищем.

Интересно отметить, что при основании пажеского корпуса, император Павел, бывший великим магистром духовного ордена Мальтийских рыцарей, приказал построить при корпусе небольшую католическую церковь.

Белый мальтийский крестик стал знаком пажей, а рыцарский девиз: "mon Dieu, mon Roi, ma Dame" был провозглашен девизом Павловского военного училища, эмблемой которого явилось стальное кольцо с золотым ободком поверх и с выгравированными внутри словами девиза и белым мальтийским крестиком.

Знаменательно и то, что император Николай I, при открытии Михайловского артиллерийского училища, повелел у входа в него поставить две пушки 1ой артиллерийской бригады, которые в 1825 г. 14 декабря стреляли на Сенатской площади по "декабристам" и, что над Михайловским замком, где помещалось Николаевское инженерное училище, сохранилась надпись: "Дому сему подобает святыня Господня во всю долготу дней".

В этом дворце, как известно, трагически закончил свое кратковременное царствование император Павел.

Все названные военные и специальные училища по своей организации были одинаковы: их курс продолжался два года; третий класс в Михайловском артиллерийском и в Николаевском инженерном училищах предназначался только для желавших продолжать образование в соответствующих академиях.

Программы двухгодичного курса в этих военно-учебных заведениях не имели существенных отличий. Комплектовались они из одной и той-же среды - дворянскими юношами, получившими законченное среднее образование в военных гимназиях или сиротских корпусах.

Некоторую особенность представлял собою Пажеский корпус, пополнявшийся главным образом молодежью из "столбового" дворянства и титулованной аристократии.

Обмундирование и условия жизни и быта юнкеров, кроме пажей, были одинаковы. Кадеты же пажеского корпуса имели форму одежды более красивую и содержались богаче и комфортабельнее.

Вместе с тем каждое из названных военно-учебных заведений сохраняло свой индивидуальный облик.

В стенах Павловского военного училища жили традиционная "муштра" гатчинской эпохи императора Павла, суровая дисциплина, совершенство маршировки, строевых построений и красоты военной выправки.

Строгостью дисциплины "Павлоны" не только не тяготились но ее поддерживали путем "звериады", состоявшей в беспрекословном подчинении юнкеров младшего класса - "зверей" или "козерогов" - юнкерам старшего курса. За нарушение дисциплины "козерогом" в отношении к юнкеру старшего класса, последний мог не только "цукнуть"°/ "зверя", но и наложить на него взыскание.

Кончался учебный год и весной "зверям" устраивался шутовской смотр, на который они являлись в парадных мундирах, но вместо "павловских лосин", одевались в кальсоны с прицепленными сзади бумажными хвостами. По установленной церемонии хвосты "козерогов" обрубались саблями юнкерами старшего класса, после чего "зверь" делался равноправным с юнкером старшего класса.

По существу эта более чем странная традиция являлась юнкерским самодисциплинированием, дополнением к павловской "муштре", вырабатывавшим замечательных офицеров, рыцарей по духу и красоте военной выправки.

- о - о - о -

°/ "Цукание" - кавалерийский термин. Он происходит от немецкого слова "zuck", что значит: короткое, сильное передергивание поводами для приведения в повиновение непослушной /норовистой/ лошади.

Константиновское военное училище жило преданиями дворянского полка, чтившего воинскую доблесть. В нем не существовало никаких девизов, кроме обще-воинского: "за веру, царя и отечество", но в нем царил дух Дворянского полка, песнь которого гласила так:

"Братья, все в одно моление
Души русские сольем:
Ныне день поминовения
Павших в поле боевом ..."

Эта песнь была творчеством одного из дворян полка в 1840 году, когда на стенах полковой церкви водружали 50 траурных досок с именами первых 250 убитых однокашников и в ней пелось:

..."Но не вздохами печали
Память храбрых мы почтим,
А в нетленные скрижали
Имена их начертим ...
Вот каким дееписанием
Царь-отец нам повелел
Сохранить воспоминания
Православных ратных дел ..."

Услышав эту песню, император Николай Павлович приказал петь ее ю всех военно-учебных заведениях в канун их училищных и корпусных праздников.

Константиновское военное училище, переименованное в конце девятнадцатого столетия в училище артиллерийское, до последних дней своего существования выполняло волю царя.

В день училищного праздника торжественно выносились из храма в залу траурные доски под музыку военного оркестра и песни:

"Вот нетленные уроки,
Братья, мы-ль их не поймем,
К этим строкам новы строки
Мы-ли все не принесем ..."

В Константиновском военном училище дисциплина и "муштра" были несколько иного характера, чем в Павловском. Требования предъявлялись те-же, но методы достижения являлись менее суровыми и более мягкими.

Звериады у Константиновцев не существовало.

По своей учбно-строевой подготовке они стояли на должной высоте, но уступали Павлонам в их традиционном первенстве красоты военной выправки и отчетливости строевых движений.

- о - о - о - о -

Александровское военное училище хранило традиции Александринского кадетского корпуса, из которого оно было преобразовано. В нем не было и помину о "звериаде" и цукании, но поддерживалась строгая дисциплина, подобно Константиновскому училищу, без утрировки "муштры".

Александринский сиротский кадетский корпус славился подбором замечательных преподавателей и педагогов, умевших привить своим воспитанникам любовь к науке и стремление к про-

вещению, что традиционно передалось Александровскому военному училищу.

- о - о - о - о -

Николаевское кавалерийское училище, переформированное из школы гвардейских прапорщиков, отличалось щегольством своего обмундирования, своеобразной лихостью отдания чести и чрезвычайно строгой дисциплиной. Последняя, как в Павловском военном училище, сопровождалась традиционной звериадой и "цуканием" старшими юнкерами "корнетами", - младших "козерогов", причем это принимало иногда уродливые формы. Как правило, каждый юнкер-кавалерист, при выходе в отпуск, всегда имел при себе монокль с розовым стеклом; встречая на улице юнкеров других училищ, кавалерист-юнкер ловко вставлял монокль в глаз, чтобы видеть их в розовом цвете.

- о - о - о - о -

Михайловское артиллерийское и Николаевское инженерное училища известны были особенностью своей дисциплины, основанной на взаимном доверии и уважении офицеров-начальников и юнкеров.

Последние старались предупреждать возможное нарушение дисциплины и порядка путем товарищеских мероприятий и воздействий, избегая вмешательства начальства.

В этих училищах витал дух некоторого либерализма и стремления к познанию и совершенствованию в области своей специальности.

- о - о - о - о -

Из военных училищ и Александринского сиротского корпуса, потом преобразованного в Александровское военное училище, юнкера выпускались офицерами в гвардейскую и армейскую пехоту, в армейскую артиллерию и инженерные войска.

Пажеский корпус укомплектовывал части всех родов войск гвардии преимущественно, а специальные училища пополняли офицерами гвардейские и армейские части их родов оружия.

Все вышеупомянутые военно-учебные заведения давали солидное образование и отличную строевую подготовку. Они воспитывали юнкеров на твердых основах воинской дисциплины и прививали им сознание святости присяги и исполнения долга службы за веру, царя и отечество и рыцарского поведения офицера, обязанного всегда оберегать честь своего мундира.

До военных реформ императора Александра II, эти училища с успехом комплектовали русскую армию и гвардию и дали им отличных строевых офицеров, замечательных командиров, выдающихся полководцев и ученых.

II.

Причины, вызвавшие необходимость увеличения числа военных училищ и разрешение этого вопроса.

Опыт Восточной войны 1953-56 годов в введение в западно-европейских государствах всеобщей воинской повинности требовали реформ и в русских войсках. Нужно было создавать армию "вооруженного наряда", которая бы своей численностью и моральными качествами превосходила армию рекрутского набора.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости в 1861 г. давало новый класс молодых людей, около 22 миллионов, как источник для укомплектования армии.

Однако, прежде чем перейти ко всеобщей воинской повинности, следовало подготовить офицерские кадры для принятия в строй большого числа новобранцев. Для выполнения этого существовавших военных училищ уже было недостаточно. Предстояло открыть новые.

Ближайшими сотрудниками императора Александра II в этом деле были: любимец государя, граф Як. Иванович Ростовцев, ведавший военно-учебными заведениями, и граф Д. А. Милютин, управлявший военным министерством.

Эти два талантливых и просвещенных государственных деятеля имели целью насадить военное образование в России, поднять дух армии и улучшить ее военное хозяйство.

Расходы, вызванные Восточной войной 1853-56 годов и установление "выкупных операций" для расплаты за землю с помещиками заставляли правительство царя-освободителя быть очень экономным при разрешении вопроса об увеличении числа военных училищ.

К тому-же не было достаточного количества молодых людей с законченным средним образованием для укомплектования их.

Выход из положения был только один: создать новые училища "без расходов для казны", влив в них молодежь без законченного среднего образования. Впрочем для русской армии такая система была не нова. Со времен Петра I и до 1858 года таким же способом создавались всевозможные кантональные военные школы разных специальностей, прекрасно обслуживавшие армию. Со времени Аракчеева воспитанники этих школ стали называться кантонистами.

В 1964 году была закончена первая, весьма важная реформа: вся территория Российской Империи была разделена на 10 военных округов⁰/. Командующим войсками округов предоставлялись большие полномочия и давалась инициатива в осуществлении задач, поставленных им цен-

---

⁰/ К концу царствования Александра III их стало двенадцать.

тральной властью.

В каждом военном округе решено было сформировать военную школу для подготовки кандидатов для производства в офицеры. В отличие от военных училищ, они получили название окружных пехотных юнкерских училищ и непосредственно подчинялись начальникам штабов округов на правах командиров корпусов.

Временным положением об юнкерских пехотных училищах штат их устанавливался в 200 юнкеров при двухротном составе с двугодичным курсом. Младший класс предназначался главным образом для пополнения общего образования юнкеров до пяти классов средних школ без иностранных языков. В старшем проходились военные предметы военных училищ, но по сокращенной программе.

Источником комплектования юнкерских пехотных училищ служили войсковые части и военные прогимназии. Молодые люди /вольноопределяющиеся, охотники и жеребьевые/, имевшие образование первого разряда, т. е. не ниже шести классов средних учебных заведений, принимались в училище без экзамена в старший класс по прослужении в войсках рядовыми шесть месяцев. От прочих требовался вступительный экзамен по программе 4х классов средних школ, предварительная выслуга в войсковых частях не менее года и достижение унтер-офицерского звания для принятия в младший класс.

Войсковые нижние чины, поступившие в училище, получали звание юнкеров.. Они числились в списках своих частей в командировке и сохраняли их форму обмундирования. Отличием юнкерского звания являлась только обшивка краев погонов узким золотым или серебряным галуном в зависимости от прибора мундира.

Войсковые части снабжали своих юнкеров денежным и вещевым довольствием.

От казны училище получало незначительный денежный отпуск на улучшение пищи юнкеров, на благоустройство их жизни и быта и на чайное довольствие.

По окончании училища юнкера, приказом начальников штабов округов, производились в портупей-юнкеров и возвращались в свои части, а специальных родов войск переводились в пехотные полки.

Портупей-юнкера делились на три разряда в зависимости от успехов в науках, строевой подготовки и поведения. Первый разряд получал преимущество в производстве в офицеры /в прапорщики/ через полгода, даже с переводом в другую часть, если бы в своей не было вакансий. Категория второго разряда - только на вакансии в своем полку, прослужив в нем не менее года, а третьего разряда подлежали откомандированию в свои части унтер-офицерами. Им присваивалось ношение на штыке офицерского темляка. В общежитии они назывались штык-юнкерами. За ними сохранялось право вновь держать офицерский экзамен.

Штат постоянного офицерского состава определялся в 2 штаб-офицера - ротных командиров и 7 обер - офицеров: 4х курсовых офицеров, училищного адъютанта, делопроизводителя по учебной части и заведующего хозяйством. Кроме того штат предусматривал должность училищного врача, фельдшера, священника, 2х барабанщиков и горнистов и команду солдат служителей и уборщиков.

В I864 году началось формирование пяти юнкерских пехотных училищ в пограничных округах: в Гельсингфорсе, в Вильне, Варшаве, Чугуеве о/ и Одессе.

Вскоре за ними последовало создание таковых: в Москве, Казани, в Киеве, в Тифлисе и в Иркутске.

Во второй половине шестидесятых годов XIXго столетия Гельсингфорсское юнкерское училище было упразднено и одновременно последовало открытие двух новых: В С.Петербурге и в Риге. Последнее просуществовало короткое время и было преобразовано в Рижский "образцовый" унтерофицерский батальон для подготовки сверх-срочных унтер-офицеров и фельдфебелей.

В числе первых юнкерских пехотных училищ, созданных в I864 году в пограничных округах, значится Виленское. История Виленского пехотного юнкерского училища это история его прогресса и эволюции, продолжавшейся сорок шесть лет, до его преобразования в училище военное.

За этот период времени в нем сменилось двенадцать начальников училищ.

III

Основатель Виленского пехотного юнкерского училища, полковник Малахов и его последователь, полковник Наумов.

Основателем и первым начальником Виленского пехотного юнкерского училища был генерального штаба полковник Малахов.

Открытие училища состоялось 29 октября I864 года по старому стилю, но годовщину его основания было принято отмечать Iго ноября, в день храмового праздника училища, святых бессребрянников Космы и Дамиана.

о/ Чугуев тогда был в Харьковском военном округе.

Исторические сведения и училищные предания характеризуют полковника Малахова как образованного офицера Генерального штаба, человека творческого ума и чрезвычайно энергичного. Он проявил себя строгим, требовательным, заботливым и справедливым начальником и оставил после себя память чуткого воспитателя и просвещенного педагога.

Полковник Малахов состоял в своей должности с 1864 по 1871 год. Ему приходилось формировать и устанавливать жизнь в училище в весьма сложной обстановке: денежные отпуска на оборудование помещения были ограничены и юнкера, поступавшие в училище, не имели достаточной общеобразовательной подготовки, дабы с успехом одолевать курс наук. Необходимо было подобрать соответствующих офицеров для постоянного состава, каковых с высшим образованием в войсковых частях округа не так просто было получить. Нужно было подыскать соответствующих педагогов и преподавателей и проч. Тем не менее полковник Малахов в течении нескольких месяцев сформировал училище и в ноябре 1864 года оно стало функционировать.

При нем в 1868 г. состоялся приказ военному ведомству № 89, которым было утверждено "Положение об юнкерских училищах". По существу дела оно являлось повторением, только с незначительными поправками , временного положения, уже существовавшего три года.

Созданное училище по своему благоустройству и программам наук значительно уступало военным училищам. Оно напоминало собой нечто в роде учебной солдатской команды для подготовки портупей-юнкеров.

Преподавание в нем велось по урочной системе, распорядок дня был близок к казарменному. Юнкера будились в 6 часов утра по сигналу "повестка" на рожке или барабане, и поднимались в 6 ч. 15 м. когда раздавался сигнал утренней зари. Полчаса юнкерам давалось на туалет. В 7 часов они выстраивались фельдфебелем, читалась молитва Отче наш, а за тем, по команде дежурного офицера, строем отводились в столовую, где им отпускался чай с сахаром /2 куска на человека/, по полбулке белого "французского" хлеба и черный ржаной без ограничений.

После чаю строем они возвращались в свои "камеры" /спальни/. Там производился утренний осмотр их обмундирования, уборки постелей и порядка в амуничниках. Потом начинались гимнастические упражнения и прогулки на воздухе.

С 8 ч. утра и до 11 ч. 30 м. производились классные занятия /уроки с небольшими переменами/.

В I2 часов юнкера приводились в столовую к завтраку, состоявшему из одного горячего блюда, обычно из тарелки гречневой или белой каши или макарон, залитых растопленным салом со "шкварками" и с ржаным хлебом.

С часу до трех с половиной велись строевые занятия, стрельба дробинками, сборка и разборка винтовок и другие упражнения или беседы курсовых офицеров.

В четыре часа юнкера строем приводились в столовую на обед. Им давалось на первое солдатские кислые щи или суп с картофелем и крупой, конечно с черным хлебом, и то и другое вволю, а на второе либо порция вареного мяса, либо рубленые мясные котлеты с картофельным пюре или бурачками. На столе всегда был хлебный квас. Перед обедом и после него пелась молитва. В столовой постоянно находился дежурный офицер.

После обеда и до 6 часов вечера юнкера были свободны. Кто желал, мог отдыхать на кровати сняв сапоги.

От 6ти часов вечера и до 8ми юнкера обязаны были находиться в классах и готовиться там к урокам.

В 8 часов вечера им давался чай в той-же пропорции, как и утром. После вечернего чаю они были свободны, а в 9 часов вечера раздавался сигнал вечерней зари, по которому юнкера выстраивались на перекличку и вечернюю молитву.

В I0 часов вечера все, кроме дежурных и ночных, должны были ложиться спать.

В праздничные дни юнкера поднимались на час позже. Накануне праздников и по субботам послеобеденных занятий не производилось и юнкера водились в училищную церковь.

В I868 году полковник Малахов допустил в училище прием казачьих урядников, которые проходили курс вместе с пехотными юнкерами.

Почти семь лет неустанного труда отдал основатель училища на усовершенствование созданной им школы. Он участвовал на трех съездах начальников юнкерских училищ в Петербурге, где разрешался ряд вопросов, вызванных опытом первых лет существования училищ и вырабатывались новые правила для поступления и выпуска юнкеров.

Училище, созданное полковником Малаховым, явилось военной школой нового типа. Оно стояло ниже военных училищ по теоретической военно-научной подготовке, но превосходило их знанием практики службы и психологии солдат. Последнее достигалось главным образом тем, что юнкера уже до поступления в училище проходили службу в войсках и подавляющее боль-

шинство их состояло в унтер-офицерском звании.

Главной заслугой основателя Виленского пехотного училища считается то, что он заложил в нем прочный фундамент воинской дисциплины и вдунул в него душу живую святости долга службы за веру, царя и отечество.

Он же является основоположником традиций в училище - красоты военной выправки юнкеров и блестящей постановки строевого обучения.

В 187I году полковник Малахов сдал свою должность генерального штаба полковнику Наумову.

Полковник Наумов вступил в должность начальника училища в 187I году и пробыл в ней до I877 года. При нем в I874 году последовало установление в России всеобщей воинской повинности, давшей возможность увеличить численность армии. Последнее повлекло за собой расширение кадра офицерского корпуса.

В виду этого штат юнкеров в юнкерских училищах был повышен с 200 до 300, а офицерский состав с 7 до II. Одновременно последовало распоряжение об увеличении курса программы наук.

Дабы помочь юнкерам усваивать уроки, полковник Наумов установил в младших классах подготовительные отделения.

В I873 году он участвовал на 4м съезде начальников юнкерских училищ в Петербурге. Там были установлены новые правила для приема молодых людей в училище и выпуска их кандидатами для производства в офицеры, а именно: на поступление в младший клас училища имели право:

а/ вольноопределяющиеся и охотники Iго разряда - без предварительной выслуги определенного срока в войсках и без экзамена;

б/ вольноопределяющиеся и охотники[о] 2го и 3го разряда по выслуге в строю не менее одного года, по достижении унтер-офицерского звания и по выдержании вступительного экзамена, и

в/ строевые /жеребьевые/ унтер-офицеры по окончании выслуги своего полного срока службы и по экзамену.

Конечно, все эти категории воинских чинов должны были быть удостоены своим начальством.

При выпуске юнкера делились на два разряда в зависимости от успехов окончания училища и приказами начальников штабов военных округов производились в портупей-юнкера с откомандированием в свои части.

о/ Охотниками назывались вольноопределяющиеся, поступившие на службу после призывного возраста. Они, как и вольноопределяющиеся, носили погоны обшитые трехцветным шнуром.

Окончившие училище по первому разряду производились в прапорщики через шесть месяцев в своем полку, а если в нем не было вакансий, то с переводом в другую часть. Второразрядники производились только на вакансию в своем полку и после стажа в звании портупей-юнкера не менее одного года °/.

Юнкера, не удовлетворявшие условиям на право окончания училища по двум разрядам, подлежали откомандированию в свои части унтер-офицерами.

В 1876 году полковник Наумов образовал из казачьих урядников, обучавшихся вместе с пехотными юнкерами, конный взвод, получивший название казачьего отдела.

Второй начальник училища, полковник Наумов, был достойным преемником основателя этой школы. С той-же энергией и с тем-же организаторским талантом, как полковник Малахов, он в течении шести лет продолжал совершенствовать постановку дела в училище и закреплять в нем установленные традиции и порядок. В этом отношении он достиг многого. Когда 30 декабря 1877 года он сдал училище генерального штаба полковнику Кононович-Горбатскому, оно уже было вполне сложившейся, своеобразной военной школой, славившейся своей дисциплиной, образцовым порядком и блестящей постановкой строевого обучения и воинской выправки юнкеров.

IУ

Третий начальник училища, генерального штаба полковник Петр Викентьевич Кононович-Горбатский, основоположник идеи преобразования юнкерских училищ в военные.

Полковник Петр Викентьевич Кононович-Горбатский вступил в свою должность 35 лет от роду, полным сил и преисполненным кипучей деятельностью.

Он окончил в 1860 году Александринский сиротский корпус, а в 1865 г. Николаевскую академию генерального штаба по первому разряду.

Полковник Кононович-Горбатский принял училище в 1877 г., когда от него требовались ускоренные вы-

---

°/ Были случаи, что некоторым приходилось ждать производства в офицеры пять, шесть лет.

пуски портупей-юнкеров для отправления на войну против Турции.

В это время училище имело за собой I3-ти летнее существование отлично организованной и солидно поставленной школы, однако значительно отличавшейся от военных училищ.

Прежде всего, состав юнкеров в нем не был однороден и не принадлежал к исключительно одному дворянскому классу, а являлся всесословным.

По возрасту, в массе, он был старше юнкеров военных училищ. Здесь, в юнкерском училище можно было встретить I6-ти летнего юношу, прибывшего из Ярославской военной школы, вольноопределяющихся, поступивших из полков 22х и 25ти лет и даже бородачей за 30 лет из унтер-офицеров и фельдфебелей, выслужившихся из жеребьевых° / солдат.

Общеобразовательный ценз их был низок: преобладали молодые люди 2-го и даже 3-го разряда. Программы курса в училище выделялись крайней ограниченностью. В младшем классе в нем преподавались Закон Божий, русский язык, арифметика, алгебра, геометрия, история России и география в пределах пяти классов средних школ, а в старшем: сокращенный курс военных училищ - тактики, топографии, фортификации, военно-уголовных законов и военной администрации. Кроме того в училище изучались воинские уставы и велись беседы на разные темы воспитательного значения.

С первого дня прибытия в училище, полковник Коновович-Горбатский всецело отдался делу подготовки ускоренных выпусков портупей-юнкеров. За год он дал 325 кандидатов на производство в офицеры, а по окончании войны организовал в училище офицерские курсы, на которые было принято 37 прапорщиков, произведенных в этот чин за боевые отличия.

Одновременно, ознакомившись с принятым им училищем, он приступил к совершенствованию этой школы, имея целью приблизить ее к уровню училищ военных.

Возможность разрешения этого вопроса он видел в установлении в юнкерском училище трехгодичного курса: первого для прохождения обще-образовательных предметов в пределах не менее шести классов средних учебных заведений, и двух специальных классов военных наук.

Проэкт преобразования училища в трех-классное был им представлен в военное министерство с ходатайством об отпуске необходимых средств.

°/ Жеребьевыми назывались солдаты, взятые на службу по жребию из общей массы призывных в возрасте 2I года.

В ожидании ответа, полковник Кононович-Горбатский не терял времени и делал всё от него зависящее, дабы совершенствовать училище во всех отношениях.

Училище помещалось в трех-этажном каменном здании, в предместьи города Вильны, "на Погулянке". При нем был довольно большой участок земли, ограниченный с запада берегом реки Вилии, с юга урочищем Закретом, а с востока деревянным забором вдоль улицы Погулянки до опушки рощи Закрета. Эта площадь служила для строевых занятий и для разбивки палаточного лагеря летом.

Внутреннее оборудование училищного помещения, по своим удобствам быта, жизни и учебы юнкеров, не многим превосходило благоустроенную полковую казарму.

В продовольственном отношении юнкера отличались от солдат несколько увеличенной порцией мяса, приварка и овощей, да и отпуском чайного довольствия.

Полковник Кононович-Горбатский сразу приступил к разного рода перестройкам в училище с целью улучшить условия жизни и работы в нем юнкеров.

Ему приписывается забота о благолепии училищного храма, алтарь и клирос которого отделялись искусно устроенной раздвижной стеной от большой комнаты, служившей помещением для молящихся, когда стена раздвигалась. В обычные дни, при закрытой церкви, эта комната имела различное назначение: она являлась столовой для юнкеров, помещением для гимнастических упражнений на всевозможных приборах, для чистки, разборки и сборки винтовок и других строевых занятий. В ней-же учили юнкеров танцам и фехтованию на рапирах и эспадронах.

В день 1-го ноября, училищного праздника, в этой зале давались балы, на которых юнкера танцевали с приглашенной молодежью виленского общества.

При полковнике Кононович-Горбатском юнкерские "камеры" /спальни/, помещавшиеся в 3-м этаже, были удобно обставлены. Каждый юнкер имел у своей кровати отдельный столик-шкафчик для белья и вещей, матрац, подушку, одеяло и простыню. Белье постельное сменялось раз в две недели, а носильное каждую субботу.

Училищным фельдфебелям было отведено помещение отдельно, что предусматривалось уставом внутренней службы.

Рядом со столовой была просто но удобно обставлена комната под юнкерскую чайную, где за дешевую плату юнкера могли получать чай с булочками, бубликами, бутерброды, пирожные и другие лакомства. Там

же они играли в шахматы, шашки, непринужденно весел[illegible] беседовали и шутили.

После настойчивых хлопот, полковник Кононович-Горбатский добился отпуска необходимых средств для постройки барачного лагеря на училищном участке, у урочища Закрета, на восточном берегу реки Вилии.

Он лично составил все проэкты, планы и чертежи, предусматривая, чтобы лагерь был удобен для помещения более четырехсот юнкеров.

Кроме двух длинных бараков для жилья каждой роты, посредине меж них, на передней линейке, обращенной лицом к фасаду здания училища, стоял небольшой деревянный барак, служивший комнатой для дежурного офицера, другой - приемной и помещением для барабанщиков, горнистов и солдат вестовых°/.

На флангах передней линейки, усаженной липовыми деревьями, находились два грибовидных навесика для укрытия от дождя дневальных и ночных.

Сзади, за передней линейкой /южнее/ были бараки для классных занятий по вычерчиванию топографических работ, для приема посетителей, для библиотеки, чтения и других назначений. Несколько дальше стояли умывальники и уборные.

Впереди лагеря, ближе к училищному зданию, дощатый навес служил помещением для лагерной столовой.

В тылу лагеря, у опушки рощи Закрета, оставался участок земли, предназначавшийся для саперных работ /устройства подземных ходов, взрывов фугасов и проч./ Там-же проходилась стрельба в тире из винтовок системы Бердана и из револьверов,

Весь лагерь утопал в зелени цветов и деревьев, а рядом с ним, на западном берегу реки Вилии, была построена большая купальня для юнкеров, куда они командами перевозились на училищных лодках.

Полковник Кононович-Горбатский очень заботился о питании юнкеров, стараясь разнообразить их стол. При нем к обеду обычные кислые щи сменялись разными мясными супами, к которым подавалась гречневая или просяная /белая/ каша. На второе блюдо отпускалось: рубленые котлеты или жаркое и тушеное мясо с гарниром в виде картофельного пюре, либо макарон, бурачков и моркови. Хлеб полагался без ограничений. На столе всегда находился кувшин с хлебным квасом. В праздничные дни на сладкое блюдо юнкера получали клюквенный кисель с молоком.

Заботясь о материальном благоустройстве училища, полковник Кононович-Горбатский не оставлял своей основной идеи поднятия образовательного уровня юнкеров.

°/ В то время телефона еще не было.

Он ввел в курс предметов краткие сведения по физике, химии и механике. Его заботами был установлен физический кабинет с разными приборами, расширена библиотека с читальной комнатой.

Подготовительные классы младшего курса, образованные его предшественником, полковником Наумовым, он сохранил до 1885 года, а потом их закрыл ввиду возможности, путем конкурсных экзаменов, подбирать молодых людей с лучшим общим образованием.

Полковник Конорович-Горбатский разработал инструкцию для училища, регламентировавшую порядок жизни и службы в нем. Он установил в обращении юнкеров с офицерами называть их по чину, а не титуловать "благородием" и "высокоблагородием".

Потом эта инструкция была утверждена военным министерством, приказом 1883 г. № 118 и стала применяться во всех пехотных юнкерских училищах.

На основании ее, по субботам и накануне праздников юнкерам предоставлялось свободное время заняться своим туалетом, переодеться в мундиры 1го срока, дабы в 6 часов быть в церкви на всенощной. К обедне они обязаны были быть готовыми к 10 ч. утра. В церковь их приводили строем фельдфебеля. Слушали они богослужение стоя рядами в колонне по отделениям.

Юнкера других вероисповеданий могли получать разрешение уходить в город для посещения своих храмов.

В 1885 г. в училище был закрыт казачий отдел В это время появились кавалерийские и казачьи юнкерские училища. Юнкера казачьего отдела Виленского пехотного училища были распределены между Елизаветградским и Новочеркасским кавалерийским и казачьим училищами.

В 1886 г., при полковнике Конорович-Горбатском, юнкера стали выпускаться из училища не портупей-юнкерами, а подпрапорщиками, которые, как их предшественники, являлись кандидатами на производство в офицеры. Они считались нижними чинами, но исполняли офицерские должности, пользовались дисциплинарною властью обер-офицеров и, как они, отдавали честь штаб-офицерам и генералам.

Им присваивалось ношение офицерской "кепи", а потом фуражки и офицерской сабли с офицерским темляком. Погоны у них сохранялись юнкерские, а на левых рукавах мундиров и шинелей нашивался галунный золотой угол шириной в полтора пальца. Вершина угла прикреплялась несколько выше локтя, а стороны его упирались в обшлага рукавов.

При выпуске из училища подпрапорщикам никакого денежного пособия не полагалось, но им выдавалось: казенное обмундирование, все виды солдатского довольства и 8 рублей жалованья в месяц.

Полковник Кононович-Горбатский относился с особенным вниманием к здоровью юнкеров. При нем производились регулярно периодические медицинские осмотры юнкеров. Гигиена в училище соблюдалась образцовая. Приемный покой помещался в большой, светлой комнате на 10-15 кроватей, где больным предоставлялась необходимая медицинская помощь и удобства для отдыха, а серьезно заболевших юнкеров отправляли в местный военный госпиталь.

Полковник Кононович-Горбатский заботился о предоставлении юнкерам развлечений. Между прочим по его распоряжению на училищном плацу зимой приготовлялся каток, на котором юнкера состязались в беганиии на коньках. Одним из наилучших конькобежцев в то время славился юнкер Крейчман, будущий инспектор классов Виленского военного училища.

Словом, не было ни одного отдела, ни одной области в училище, которой не коснулся бы полковник Кононович-Горбатский, стремясь внести в них что либо новое, чтобы улучшить условия службы, жизни и быта юнкеров и повысить их образование.

Но самое главное, он был инициатором идеи преобразования юнкерского пехотного училища из двухклассного в трехклассное, дабы поднять его до уровня военных училищ.

Девять лет труда он отдал для этого и многого достиг: программы наук были расширены, училище стало более благоустроенным и он оставил после себя памятник - им построенный, прекрасный барачный лагерь.

Он сохранил в училище традиционную дисциплину, образцовый порядок, красоту военного воспитания юнкеров и совершенство их строевого обучения.

Исторический материал, воспоминания и предания характеризуют полковника Кононович-Горбатского как выдающегося начальника училища.

Он начал службу в училище 35 лет и работал в нем почти десять лет. На этом поприще он обнаружил блеск своего большого творческого ума, богатых дарований и высоких моральных качеств.

Он был талантливейший и просвещенный педагог, замечательный организатор, строгий, требовательный, но справедливый и снисходительный начальник и добрейшей души человек, отличавшийся удивительным спокойствием, сердечностью и доброжелательством.

При нем в училище было легко служить, учиться и учить. Своею деятельностью полковник Кононович-Горбатский поднял училище на целую ступень ближе к уровню училищ военных и дал импульс для своих преемников в достижении поставленной им цели реформирования и совершенствования училища.

9-го марта I886 г., будучи назначен командиром II0-го пехотного Камского полка, он оставил училище своим наследникам на пути прогресса к этапу преобразования его в трех-классное.

У.

Начальники училища, полковники: Пневский, Клауз, Шевцов, Лебедев и Покатилло, продолжатели развития дела, поставленного полковником Кононович-Горбатским.

После полковника Кононович-Горбатского начальником Виленского пехотного юнкерского училища был генерального штаба полковник Пневский.

О нем сохранилось предание, как о строгом, но добром и заботливом начальнике. Он продолжал вести дело в училище порядком, установленным его предшественником и не внес каких либо существенных перемен или новшеств.

В I890 г. он сдал училище в образцовом состоянии генерального штаба полковнику Клаузу.

- о - о - о - о -

Полковник Клауз был пятым начальником училища и стоял во главе его до I894 года.

Он был известен чрезвычайной строгостью и требовательностью. При нем в училище "железная" дисциплина, основанная на беспощадных наказаниях за всякую мелочь и "муштра" занимали первое место.

Его методы воспитания вызвали в виленском обществе ироническое название училища "Сморгонской академией". /Как известно, в еврейском местечке Виленской губернии Сморгонь существовала школа дрессировки медведей/.

Период начальствования училищем полковником Клаузом был отмечен "избиением младенцев", что на юнкерском языке обозначало исключение юнкеров из училища за какие либо проступки. Между прочим, среди пострадавших оказался юнкер Б. Он был отчислен за самовольную отлучку из-под ареста, убежав на свидание к своей даме сердца. Это был талантливый молодой человек, красивый мужчина, большой любитель художественного искусства, эстет и поклонник женщин.

Он был откомандирован в полк с правом вновь через год поступить в училище или через два года держать офицерский экзамен. Наказание милостивое, но чрезвычайно серьезное. Он потерял два года в сравнении со своими сверстниками по училищу.

Строевое обучение и выправку юнкеров полковник Клауз поставил на такую высоту, что училище в этом отношении не уступало славе Павловского военного училища.

Ближайшим сотрудником полковника Клауза по учебному отделу был инспектор классов артиллерии полковник Чаплин, человек умный, образованный, оригинал и самодур. Он подобрал отличный состав преподавателей и умело руководил классными и практическими занятиями. Сам полковник Чаплин преподавал в младшем классе военную географию, курс которой он и написал, а в старшем классе читал военную администрацию.

Среднего роста, крепко сложенный, с окладистой, седеющей русой бородой, всегда одетый в двубортный, элегантный сюртук с длинными штанами на выпуск, он имел обыкновение объяснять юнкерам уроки ходя взад и вперед по классу, держа руки сложенными за спиной. Он излагал свои лекции настолько ясно, что тот, кто его слушал, мог не готовиться к ответу по книге; но следить за его объяснениями уроков было необходимо, так как он в своих беседах подчеркивал существенное, отделяя его от второстепенного. Его приводило в негодование, если на вопрос, чем славится Тула, юнкер отвечал: "самоварами". Он терпеть не мог "зубрил" и когда юнкер, выучив слово в слово по книге Чаплина урок, начинал бойко ему отвечать, то полковник Чаплин, остановившись посредине класса, ему речитативом вторил: "Мейн либер Аугусток, мейн либер Аугусток!", делая при этом жест рукою, напоминавший вращение шарманки. Выслушав такой ответ, он обыкновенно говорил: "садитесь, душка" и ставил в журнале отметку не выше 8 - 9 баллов, вызывая изумление старательного юнкера, ожидавшего получить 11 - 12.

Зато он благоволил юнкерам, следившим за газетами и обращавшимся к нему за разъяснениями какихлибо злободневных вопросов.

Чаплин был патриот-националист и сторонник политики императора Александра III. Он глубоко возмущался эмансипальными тенденциями финнов в эпоху императора Николая II и не любил поляков, мечтавших о восстановлении своей "ойчизны".

Иногда в старшем классе он, вместо урока военной администрации, уделял целый час пояснению какойлибо газетной статьи и страстностью своей речи, выражавшей горячую любовь к Великой России, приводил в восхищение юнкеров.

В году он был очень строг в оценке ответов юнкеров, держал их в страхе, иронически язвил по их адресу, но на экзаменах, наоборот, выручал слабых и всем повышал годовую отметку.

Несмотря на некоторое самодурство Чаплина и ядовитые его насмешки, юнкера относились к нему с большим уважением и любовью.

В числе преподавателей во времена полковника Клауза, не менее оригинальным чем Чаплин был профессор Полозов. Высокого роста, грузный, сутуловатый, с серьезным лицом, обросшим круглой с большой проседью бородой, с густыми бровями, из-под которых сквозь очки глядели маленькие умные глаза, он входил в класс медвежьей походкой и производил первое впечатление угрюмого и сурового 75-ти летнего старика. В молодости он былъ как упоминает о нем училищное предание, профессором в Московском университете, но будучи человеком независимого характера, не поладил с ректором и должен был покинуть свою кафедру на физико-математическом факультете.

Поселившись в Вильне, он стал там преподавателем физики, химии и математики в местной гимназии, в реальном и юнкерском училищах.

Он был действительным статским советником и юнкера титуловали его: Ваше превосходительство. Он-же всегда обращался к ним на ты и только на экзаменах называл их "вы". Говорил он медленно, спокойным, приятным голосом, "окая" по-Владимирски и был типичный великоросс.

В начале учебного года, на первом уроке в младшем классе, он обычно знакомился с юнкерами, спрашивая каждого из них, где он получил образование и на ответы по этому вопросу делал не лишенные сарказма реплики. Вот например юнкер лет 23х, украшенный усами, отвечает профессору: "Я, Ваше превосходительство, окончил два класса духовной семинарии". "Ну и шел бы ты в звонари на колокольню, а ты почему-то

в офицеры решил. Садись, садись, посмотрим ..." и профессор обращался к следующему юнкеру: "А ты где слушал курс наук?". "Я, я, волнуясь отвечал скромный юноша, я, Ваше превосходительство, домашнего образования". "Домашнего; значит у кухарки познал науку ... Ну, что-ж? Садись, садись, посмотрим ... и из кухаркиных учеников толк бывает".

Увидев в классе кого либо из своих бывших учеников по гимназии или по реальному училищу, Полозов приветливо говорил: "Кого я вижу? Да ведь это ты, Биш-й. Почему же ты не докончил курса? Ведь ты хоть и дурак был, но не из безнадежных".

Или заметив в классе второгодника, которые на юнкерском языке назывались "майорами", профессор с удивлением на лице произносил: "Господи, Боже мой, да это ведь ты, идиотушка, опять здесь ... Помню, помню, Ты Гатчинский сиротский институт полностью кончил, а болван болваном и остался ... Садись, садись, казанская сирота ..."

В таком духе проходил весь первый его урок. К концу класс оживлялся и чувствовалось, что у юнкеров с профессором установились простые, добрые отношения.

Полозов был замечательный педагог. Имея пред собой аудиторию со слабой подготовкой, он умел преподносить юнкерам уроки по математике, физике, химии и механике так понятно и ясно, что называется "разжеванными", что они легко усваивались.

В году он был очень скуп на баллы, но на экзаменах, подобно полковнику Чаплину, относился к юнкерам чрезвычайно снисходительно и всем повышал годовой балл. На вид суровый и строгий, профессор Полозов в действительности был добрейшей души человек. Юнкера его глубоко почитали и любили как "дедушку ворчуна".

Из гражданских преподавателей в эпоху полковника Клауза были еще два замечательных: учитель русского языка, господин Рак и Правосудович, читавший русскую историю, курс которой он сам написал.

Первый увлекал юнкеров показами образцов красоты и богатства родного языка, а второй представлением героического периода русского народа, величия его духа и мощи русской армии при создании Великой России.

Непосредственно подчиненными полковнику Клаузу и его сотрудниками в отделе военного воспитания и строевого обучения юнкеров были два ротных командира: I-ой роты подполковник Александров и 2-ой подполковник Борис Владимирович Урнях. Оба были в возрасте около 40 лет.

Подполковник Александров небольшого роста, худощавый, широкоплечий, с добродушным лицом, с длинными остроконечными усами и живыми голубыми глазами, представлял собой строевого служаку, в совершенстве знавшего свое дело и обладавшего качествами требовательного, но заботливого о своих подчиненных и доброго начальника.

Подполковник Урняж, выше среднего роста, шатен с упитанным, красивым лицом эпикурейца и умными, добрыми, насмешливо глядящими глазами, всегда элегантно одетый и чисто выбритый, кроме небольших светлых усов, импонировал своими барскими манерами, блеском остроумия и богатой эрудицией.

Подполковник Александров читал в старшем классе курс ручного огнестрельного оружия, а подполковник Урняж воинские уставы. Между прочим он придавал большое значение параграфу третьему устава дисциплинарного, который гласил так:

"Польза службы требует от начальника охранения в команде воинской дисциплины и порядка. Вместе с тем она обязывает его в сношении с подчиненными быть справедливым, отечески пещись о благосостоянии вверенной ему команды, входить в нужды своих подчиненных, быть в потребных случаях их советником и руководителем, избегать всякой неуместной строгости, не оправдываемой требованиями службы, а также развивать и поддерживать в каждом офицере и нижнем чине сознание о высоком значении воина, призванного защищать престол и отечество от врагов внешних и внутренних".

Подполковник Урняж требовал от каждого юнкера знание этих строк наизусть.

Войдя в класс, он прежде всего приказывал одному из юнкеров прочесть параграф третий устава дисциплинарного. Юнкера называли это "молитвой пред учением".

Сам подполковник Урняж являл собой пример исполнения этого параграфа дисциплинарного устава и юнкера на своем ротном командире познавали, каким должен быть хороший начальник.

При полковнике Клаузе начал свою карьеру в училище штабс-капитан Болеслав Валерианович Крейчман.

В 1877 г., по окончании Ярославской военной прогимназии, он был зачислен вольноопределяющимся второго разряда в 107 пехотный Троицкий полк и командирован в Виленское пехотное юнкерское училище, во главе которого в то время стоял знаменитый полковник Кононович-Горбатский.

В 1890 г. в чине поручика Крейчман блестяще окончил по 1-му разряду академию генерального штаба

и за успехи в науках был награжден чином штабс-капитана; однако в генеральный штаб он переведен не был "за строптивость характера". Последнее выразилось в том, что при защите своей диссертации на дополнительном курсе, он с такой неопровержимой документацией возражал своему оппоненту профессору, что поставил его в неловкое положение пред всей аудиторией.

Возвратясь к себе в полк, он принял на законном основании роту, а 26го июля 1894 г. последовал приказ по Виленскому военному округу № 209 о назначении его на должность младшего офицера в Виленское пехотное юнкерское училище. Там он стал курсовым офицером во второй роте подполковника Урняжа и преподавателем тактики и топографии.

Он сразу же обнаружил свои дарования и способности, как отличный строевой офицер и выдающийся педагог.

В строевом отношении он поражал юнкеров своей ловкостью и тренировкой. Не было того гимнастического упражнения, которого он не выполнил бы сам прежде чем потребовать его от юнкеров. Он был лучшим стрелком из винтовки и револьвера и с юнкерских дней славился как замечательный конькобежец.

Его уроки по тактике и топографии отличались легкостью и образностью изложения. Он умел сухие и скучные места предмета освежить остроумной шуткой и удивлял юнкеров своей эрудицией и богатой памятью. На все вопросы юнкеров он немедленно давал исчерпывающие ответы. Даже на экзаменах по Закону Божьему, в роли ассистента, он, будучи сам лютеранского вероисповедания, часто поправлял юнкера, если тот неправильно цитировал текст Священного Писания.

Он был самым лучшим руководителем на полевых занятиях по съемкам местности. Его обмануть, т.е. не сделать работу на месте, а воспользоваться увеличением топографической карты, не было возможности. В поле он был неустанным и вездесущим, не упуская юнкеров из виду, поправляя их работы и поучая их.

Штабс-капитан Крейчман отличался справедливостью и умением правильно оценивать знания юнкеров. В обращении с юнкерами он был требователен, доброжелателен и прост. О его юморе в стенах училища сохранилось много рассказов.

Если юнкер не знал урока и ограничивался при ответе несколькими фразами, Крейчман обычно говорил: "Коротко, но не ясно; садитесь" и ставил в журнале единицу.

А вот одно из воспоминаний о нем: Однажды, когда юнкер молча стоял у доски с мелом в руках, не

зная с чего начать, Крейчман, обратившись к нему сказал: "Что так задумчиво, так печально?" Когда же юнкер, улучив минуту, повернулся к классу, ожидая подсказа и не получил его, Крейчман улыбаясь произнес: "... и не слышно лая псов сторожевых". Класс улыбался. Стоявший у доски продолжал молчать. "Так тонут маленькие дети, купаясь жаркою порой; садитесь" закончил Крейчман. Все в классе смеялись, улыбался и "утонувший"ъ отправляясь на свое место.

Полковник Клауз, имея замечательных сотрудников, за четыре года пребывания в своей должности, значительно упрочил и развил дело, установленное в училище полковником Кононович-Горбатским. Он оставил по себе добрую память, как о начальнике чрезвычайно строгом, в высшей степени активном, во все вникавшем, но заботливом о юнкерах.

В 1894 г. он сдал училище генерального штаба полковнику Шевцову.

- о - о - о - о -

Полковник Шевцов принял училище, будучи лет 43х. Среднего роста, с небольшой, темной, круглой бородкой, добродушным, спокойным лицом, всегда безукоризненно по форме одетый, он пользовался симпатией юнкеров, хотя, в противуположность полковнику Клаузу, юнкера с ним непосредственно соприкасались редко. Он никогда не заглядывал в классы, не заходил в юнкерские камеры и не посещал строевых учений. Юнкера его видели только на богослужениях в церкви, на училищных смотрах и на маневрах во время лагерных сборов, когда в них участвовало училище. Тем не менее авторитет полковника Шевцова стоял высоко.

При нем жизнь в училище покоилась на деятельности трех лиц: двух ротных командиров - первой подполковника Александрова и второй подполковника Урняка, и инспектора классов полковника Чаплина.

Инспектор классов располагал прекрасным преподавательским составом, подобранным им во времена полковника Клауза, а ротные командиры имели в своем подчинении хороших курсовых офицеров, а именно: в I-ой роте - капитан Романовский, человек умный и серьезный, знавший свое дело, требовательный, но надоедливый мелочностью; поручик Рыхлевский, корректный и добродушный; поручик Чеботкевич - подвижной, живой, умевший все заметить, ничего не упустить, всегда хорошо одетый /юнкера его прозвали "пистолет"/, и поручик Калинин, грубоватый и не всегда справедливый.

Во второй роте были: штабс-капитан Крейчман, как же упоминалось выше, выдающийся строевой офицер и педагог, имевший академическое образование; поручик Крачковский - добросовестный служака и доброжелательный воспитатель; поручики Шебуранов и Брюханов - оба образцовые строевые офицеры, но первый груб до крайности, а второй просто хам.

Из всех названных курсовых офицеров, по своему образованию, талантам, воспитанию и моральным качествам, первое место занимал штабс-капитан Болеслав Валерианович Крейчман.

На маневрах училища, в период лагерных сборов, он выполнял обязанности начальника штаба юнкерского батальона и, по окончании маневров, в присутствии начальника училища, делал замечательные "разборы" маневров, поучительные для юнкеров.

Он замещал своего ротного командира, подполковника Уряжа, при прохождении курса стрельбы на Оранском полигоне, куда, после топографических занятий, летом юнкера перевозились по железной дороге. Там они жили в деревянных бревенчатых сараях и спали на земле, на матрацах, привезенных из училища. Довольствовались они из солдатской кухни, организованной училищной администрацией. Столовой для них служил дощатый навес, расположенный рядом с бараками.

В конце декабря 1894 г., при полковнике Шевцове, как это бывало и при всех начальниках училищ, состоялся педагогический совет, на котором решалась участь малоуспевавших юнкеров младшего класса. Их отчисляли из училища и откомандировывали в полки. На юнкерском языке они назывались "декабристами".

Полковник Шевцов был очень добрый и снисходительный начальник, но все-же и при нем было отчислено около десятка юнкеров. В числе них оказался юнкер младшего класса де Г., присланный в училище из Ярославской военной прогимназии и принятый в училище без экзамена. Это был общий любимец всех юнкеров в училище. Он отличался своей красивой наружностью, благовоспитанностью, общительностью и весельем. Отъезд этого 17-тилетнего "декабриста" в полк вызвал у юнкеров всеобщее сожаление.

Весной 1896 г, рутина жизни в училище была на несколько дней нарушена и освежена посещением его французской миссией из трех офицеров. Они приезжали для ознакомления с постановкой военно-научного и строевого дела в училище.

Им оно было показано во всех областях обучения и быта. Пояснения давали два преподавателя в училище: генерального штаба полковники Олохов и Шейдеман. Оба они были представительные, видные мужчины,

в совершенстве владели французским языком и восхищали юнкеров своей наружностью и красотой и блеском мундира генерального штаба. Пред ними малорослые и поджарые французские офицеры в своих однобортных черных мундирах, без погон, в головных уборах, напоминавших кастрюльки и с саблями в металлических ножнах, казались юнкерам театральными статистами.

В заключение на общем собрании училища были произнесены речи французскими офицерами, переведенные юнкерам полковником Шейдеманом на русский язык.

Председатель французской миссии благодарил начальника училища за все им виденное и восторженно отзывался об училище, что дало большое удовлетворение юнкерам.

Во времена полковника Шевцова в училище в последний раз была отпразднована училищная традиционная "звериада", почему-то называвшаяся "поповна". Сущность ее заключалась в том, что в один весенний день пред экзаменами юнкера, по приказанию "майора"°/ юнкера Бахмутского, собирались в курилке. Бахмутский был маленького роста, чрезвычайно живой балагур, веселый и очень остроумный молодой человек. У него хранился "пергаментный сверток поповны", переданный ему одним из "майоров" предшественников. В нем были записаны в стихах с большим юмором и сарказмом училищные события минувших лет и в карикатурных образах представлялись некоторые офицеры.

Выстроив юнкеров младшего класса, он им прочел шутовской приказ училищу на злобу дня, им самим остроумно сочиненный и не лишенный язвительной иронии по адресу некоторых офицеров. Затем последовала декламация пергаментных стихов, вещавших об училищных преданиях. После каждого параграфа, он останавливался и делал дирижерский жест, по которому все юнкера воспевали какую-то "поповну" в пикантных и далеко не цензурных словах.

По окончании этой буффонады Бахмутский прочел последний параграф "приказа" о том, что "козероги", т.е. юнкера младшего класса сравниваются в правах со своими старшими товарищами. До этого же дня они находились в низшем положении: обязаны были оказывать юнкеру старшего класса внимания, отдавать ему честь и выслушивать его замечания /"цукания"/.

Впрочем эта традиция, занесенная в Виленское училище вероятно в подражание Павловскому военному или Николаевскому кавалерийскому, никогда не имела

°/ На юнкерском языке "майорами" назывались юнкера второгодники младшего класса, а "майоры" ухитрившиеся остаться на второй год и в старшем классе, титуловались "генерал-майорами".

характера "звериады" последних, особенно Николаевского кавалерийского, в котором третирование "корнетами" сугубых доводилось до абсурда.

Интересно отметить, что даже в дни "железной дисциплины" полковника Клауза, начальство делало вид, что не замечает этого традиционного своеволия юнкеров.

Полковник Шевцов пробыл в своей должности три года и в 1897 г. сдал училище генерального штаба полковнику Лебедеву.

- о - о - о - о -

Полковник Лебедев был небольшого роста, лет 45 с лишним, с лицом обросшим длинной клинообразной темной, седеющей бородой и густыми волосами на голове. На вид он казался мрачным и юнкера дали ему кличку "сыч".

Он был спокойный, заботливый и добрый начальник. Подобно своему предшественнику, он редко непосредственно соприкасался с юнкерами.

Главными деятелями при нем, как и при полковнике Шевцове, продолжали быть полковник Чаплин и подполковники Александров и Урнях с их младшими офицерами. Только умершего поручика Крачковского заменил 107 пехотного Троицкого полка капитан Антонов, окончивший два класса академии генерального штаба. Кроме должности курсового офицера во 3-ой роте, он преподавал топографию и вел полевые практические занятия.

В училище при полковнике Лебедеве продолжала царить традиционная дисциплина и блеск строевого обучения. Последнее было особо отмечено начальником штаба Виленского округа, генерал-лейтенантом Поволоцким, на смотру, сделанном им в конце июля 1897 г., пред выпуском юнкеров старшего класса.

День производства юнкеров в подпрапорщики при полковнике Лебедеве, как и при полковнике Шевцове, никакими торжественными церемониями не отличался.

Дело происходило просто. По приказанию дежурного по училищу офицера, выпускные юнкера выстраивались на передней лагерной линейке и им объявлялся приказ начальника штаба округа о производстве их в подпрапорщики, в полки ими выбранные.

После прочтения приказа, произведенные раско-

дились по своим баракам, немедленно переодевались в форму подпрапорщиков, главным отличием которой была офицерская фуражка и офицерская шашка, и уходили в город, чтобы развлечься, заглянуть в кондитерские или рестораны, прокатиться на извощике, прогуляться по улицам, дабы "себя показать и на людей поглядеть".

Кто хотел, мог оставаться в училище и ночевать там, а потом, получив казенное обмундирование и документы на проезд по железной дороге от училища, разъезжались по своим частям.

При полковнике Лебедеве традиционная звериада "поповна" не повторилась. Почему, никто не знал. Кому передал Бахмутский "пергаменты", да и передал ли он их, неизвестно. А жаль: в них, как в кривом зеркале, отражалась вся история Виленского училища, чуть ли не за тридцать лет.

Полковник Лебедев был начальником училища только один год. 5-го мая 1898 г. на его место был назначен генеральногоштаба полковник Василий Иванович Покотилло.

- о - о - о - о -

Полковник Покотилло принял училище будучи в возрасте 43х лет. Он получил образование в Орловской военной гимназии имени Бахтина, в Николаевском инженерном училище и окончил академию генерального штаба по первому разряду с переводом в генеральный штаб.

До принятия училища он занимал ряд должностей штабного, строевого и административного характера, давших ему большой служебный опыт. Командный строевой ценз он выполнил в 117 пехотном Ярославском полку и участвовал в кампании 1877-78 г.

Богатый знаниями, опытом и дарованиями, он сразу проявил себя в стремлении осуществить идею, зарожденную знаменитым третьим начальником училища, полковником Кононович-Горбатским - преобразовать юнкерское училище, приблизив его к типу коренных училищ военных.

Он отличался энергией и активностью и не был похож на своих двух предшественников, полковников Шевцова и Лебедева, которые незримо управляли училищем, предоставляя инициативу в выполнении их указаний инспектору классов и ротным командирам. Наоборот, он во все вникал сам. Юнкера его видели всюду

пылким и упорным новатором. Будучи строптивым, он внес в жизнь училища некоторую нервность.

С ним не мог ужиться талантливейший военный воспитатель, командир второй роты, полковник Борис Владимирович Урняж, вынужденный покинуть училище, чтобы занять должность Константиноградского воинского начальника. Это была несомненно большая потеря для училища и для самого Покотилло.

В конце 1899 г. вышел в отставку и командир первой роты, полковник Александров с производством в генерал-майоры.

Полковник Урняж был заменен капитаном Войцеховским, а Александров подполковником Будзиловичем, отличными строевыми офицерами, в совершенстве знавшими свое дело, но, как военные воспитатели, они в значительной мере уступали замещенным ими Урняжу и Александрову.

Сменились и младшие офицеры. Из старых остались только капитан Шебуранов и капитан Антонов. Убывшие были замечены штабс-капитаном Фитингофом и поручиком Малининым.

Курсовой офицер 2-ой роты, штабс-капитан Крейчман высочайшим приказом 16го марта 1898 г. был назначен делопроизводителем по учебной части в училище. Ему полковник Покотилло был обязан разработкой проэктов по военно-учебному отделу.

Полковник Покотилло считал, что институт подпрапорщиков, служивших для стажа в полках перед производством в офицеры, отжил и подлежал упразднению, ибо училище уже вполне подготовляло юнкеров для выпуска их офицерами-подпоручиками. Осуществить ему этот проэкт не удалось. Однако, в 1900 г. он все-же добился того, что юнкер 119 пехотного Коломенского полка Васильев, окончивший училище фельдфебелем и первым, был произведен не в подпрапорщики, а в подпоручики и в награду за успехи в науках был командирован на театр военных действий в Китай.

Таким образом, почин выпуска юнкеров из Виленского пехотного училища в офицеры принадлежит полковнику Покотилло.

Он пробыл в своей должности только два года. За этот короткий период он не смог осуществить многих из своих проэктов по реформированию училища, но успел его усовершенствовать и обновить.

Между прочим при нем был улучшен стол юнкеров и уделялось большое внимание культурно-просветительным занятиям.

Сохранив училищные традиции дисциплины, порядка и совершенства строевой выучки, он находил способы поощрять успехи юнкеров в науках и вообще внес в училище тенденцию новаторства.

12 февраля 1900 г. последовало назначение полковника Покотилло директором 1-го С. Петербургского кадетского корпуса. Его в училище заменил генерального штаба полковник Войшин-Мурдас-Жилинский.

VI

Девятый начальник училища, полковник Войшин-Мурдас-Жилинский - преобразователь училища в трех-годичное, и его достойный преемник, полковник Родионов.

Вступление полковника Войшин-Мурдас-Жилинского в должность начальника Виленского пехотного юнкерского училища совпало с назначением великого князя Константина Константиновича главным начальником военно-учебных заведений.

Его помощником в это время состоял генерал Кононович-Горбатский, бывший третьим начальником Виленского пехотного юнкерского училища в период 1877 - 1886 годов, основоположник идеи преобразования юнкерского училища в военное.

Своими достижениями в совершенствовании Виленского юнкерского училища он обратил на себя внимание как одаренный, талантливый офицер генерального штаба и стал быстро продвигаться по служебной лестнице. В 1891 г. он уже был генералом и начальником 2-го Константиновского военного училища. С июля 1894 г. в течении шести лет он в чине генерал-лейтенанта занимал должность начальника штаба Киевского военного округа, и затем командовал 33-ей пехотной дивизией. В конце девяностых годов генерал-лейтенант Кононович-Горбатский был призван на службу в главное управление военно-учебных заведений, где и занимал ряд высоких должностей, вплоть до помощника в.кн. Константина Константиновича. Здесь он взялся за осуществление своей идеи о преобразовании юнкерских пехотных училищ из двух-годичных в трехлетние.

По его инициативе в главном управлении военно-учебных заведений была созвана комиссия из начальников юнкерских училищ с их делопроизводителями по учебной части, под председательством генерала Ордынского для разрешения этого вопроса.

Проэкт комиссии, представленный на благоусмотрение вел.князя, получил его одобрение и 5-го июля 1901 г. последовал приказ военному ведомству за № 318, объявивший новое положение об юнкерских училищах. В жизнь же оно стало вводиться 1го сентября 1901 г.

Новым положением об юнкерских пехотных училищах штат юнкеров увеличивался с 300 до 400 и устанавливалась четырехротная организация. Училище преобразовывалось из двух-годичного в трехлетнее с тремя классами.

Первй, называвшийся общим, предназначался для прохождения общеобразовательных предметов по программе 6-7 классов средних школ. Два других -специальных - для изучения военных наук соответственно курсам военных училищ.

Урочная система заменялась репетиционной.

Минимальный возраст для поступления в училище снижался до 16ти лет. Для принятия в училище требовалось образование не ниже пяти классов средних учебных заведений. В штат училища вводилась должность помощника инспектора классов.

Училищам была присвоена каждому своя особая форма обмундирования, напоминавшая таковую училищ военных, с той только разницей, что в юнкерских училищах шинели изготовлялись из серого солдатского сукна, а в военных из более тонкого, так называемого серо-немецкого /серого с голубоватым оттенком/.

Из реформированного на этом основании училища юнкера выпускались в армейскую пехоту не подпрапорщиками, а подпоручиками и им отпускалось от казны денежное пособие на обмундирование в размере 300 рублей.

Таким образом, на долю полковника Войшин-Мурдас Жилинского, через пол года после его вступления в должность начальника училища, кроме текущих служебных обязанностей, выпала большая работа созидательно-реорганизационного характера. Ему нужно было расширить здание училища и соответственно его оборудовать и обставить, дабы вместить новый штат юнкеров; предстояло подобрать необходимых строевых офицеров и преподавателей; переодеть юнкеров в новую установленную форму и проч.

Полковник Войшин-Мурдас-Жилинский вступил в начальствование Виленским училищем молодым офицером генерального штаба в возрасте 39 лет. Из всех начальников училища моложе его был только третий начальник, полковник Кононович-Горбатский - 35 лет.

Общее образование он получил в I-ой С.Петербургской военной гимназии, а военное в Павловском военном училище, каковое он окончил в числе первых и в 1880 г. был произведен в прапорщики в 26-ую артиллерийскую бригаду. Через три года он поступил в академию генерального штаба, которую блестяще окончил в 1886 г. и был переведен в генеральный штаб.

В генеральном штабе он служил на разных должностях административного, штабного и строевого характера и всюду проявил себя своими дарованиями, живым умом, энергией, спокойствием и настойчивостью.

Приняв Виленское пехотное юнкерское училище в феврале 1900 г., он в нем застал в числе своих подчиненных и ближайших сотрудников, двух ротных командиров: I-ой подполковника Будзиловича и 2-ой капитана Войцеховского, инспектора классов, полковника Чаплина с делопроизводителем по учебной части капитаном Крейчманом.

Младшими офицерами в первой роте были капитан Шебуранов и штабс-капитан Фитингоф, а во второй штабс-капитаны Свирин и Лоренц. Кроме того, в прикомандировании к училищу находился 107 пехотного Троицкого полка капитан Антонов.

Должность заведующего хозяйством занимал штабс-капитан Комарницкий, а училищного адъютанта штабс-капитан Шмидт.

Для заполнения нового четырехротного штата училища, по представлению полковника Войшин-Мурдас-Жилинского, были назначены: командиром 3-ей роты капитан Мостыко, окончивший юридическую академию, с двумя младшими офицерами: штабс-капитаном Алферовым и поручиком Бурмаковым, и командиром четвертой роты - капитан Арефьев с младшими офицерами: штабс-капитанами Поповым и Суетиным.

В 1901 г. инспектор классов, артиллерии полковник Чаплин вышел в отставку с производством в генерал-майоры, а на его место последовало назначение исполняющим его должность делопроизводителя по учебной части, капитана Крейчмана.

В 1903 г. капитан Крейчман высочайшим приказом был произведен в подполковники с утверждением в занимаемой должности.

Полковник Войшин-Мурдас-Жилинский был человек скромный, чрезвычайно выдержанный и спокойный, терпеливый и настойчивый. Своей деликатностью и заботливостью он завоевал симпатию своих подчиненных.

При нем служба в училище протекала оживленно, но без суеты и нервности. Он был строгий и справедливый начальник, избегавший суровых наказаний и являлся талантливым организатором в деле реорганизации училища.

По его указаниям были составлены планы и проэкты по расширению и переустройству здания училища. Ему училище было обязано созданием большой залы в 3м этаже, в которой мог производить учение целый батальон в 400 юнкеров. Он же увеличил число спален для юнкеров, классных комнат и других помещений для удобства жизни, быта и занятий.

Когда начались работы по перестройке здания училища, полковник Войшин-Мурдас-Жилинский обязал каждого юнкера принести кирпич или камень и уложить его под руководством мастеров во вновь воздвигавшиеся стены. Этим он хотел символизировать закладку здания реформировавшегося училища самими юнкерами.

При нем юнкера были элегантно одеты в новую, установленную для училища форму, мало отличавшуюся от обмундирования училищ военных. В Виленском юнкерском училище околыш на фуражках /бескозырках/ и погоны были синие, отороченные красным кантом. Погоны, воротники и обшлага мундиров обшивались золотым галуном. Мундиры шились из темно-зеленого сукна, а шинели из серого солдатского. И те и другие застегивались на крючки. Пуговиц, кроме как на погонах и на шинелях для пристегивания "хлястика", не было. На погонах, посредине, стоял желтого цвета трафарет "В. Ю.", означавший: Виленское юнкерское. На бескозырках были солдатские кокарды, а черные лакированые пояса имели красивые медные бляхи-застежки.

- о - о - о - о - о -

Инспектор классов, подполковник Крейчман пригласил выдающихся военных и гражданских преподавателей и, будучи сам талантливым педагогом, во многом способствовал начальнику училища поставить военно-учебное дело на должную высоту.

Об организации преподавания в училище во времена полковника Войшин-Мурдас-Жилинского были вос-

торженные отзывы в виленской прессе, где гражданский преподаватель математики, господин Контер, с удовольствием отмечал ту благоприятную обстановку, в которой ему приходилось работать в Виленском юнкерском училище.

В декабре 1903 г. в главном управлении военно-учебных заведений была образована комиссия под председательством генерала Ордынского, из начальников училищ и инспекторов классов для пересмотра программ юнкерских училищ. В ней участвовали Войшин-Мурдас-Жилинский и Крейчман. Результатом этого съезда явилось введение в курс преподавания: истории русской армии, военной географии, военной гигиены и немецкого языка.

С неменьшим вниманием полковник Войшин-Мурдас Жилинский отнесся к организации культурно-просветительных занятий. При нем часто устраивались литературно-вокальные вечера, главными руководителями на которых были: преподаватель русского языка Еленевский и режисер-регент штабс-капитан Фитингоф.

Ставились театральные сценки вроде "Ревизор", "Лес", отрывки из "Жизни за царя" с солистами и хором. Среди юнкеров того времени обнаружились в училище незаурядные певцы, декламаторы, музыканты, артисты и художники.

Из них особенно выделились своими дарованиями: юнкер Скипетров, певец-солист, и Штромберг - художник. Во время одного из посещений училища вел. князем Константином Константиновичем, Скипетров вызвал восхищение августейшего поэта своим пением арии Сусанина: "Чуют правду" и Штромберг обратил на себя внимание написанной им на стене в училищной зале громадной картиной: "Владивостокская эскадра на рейде".

Для полезного использования юнкерами их досуга, полковник Мурдас-Жилинский расширил и создал новые мастерские разного рода ремесел, в которых юнкера могли учиться и совершенствоваться в том, к чему они были склонны.

Он проявил исключительную заботу о здоровьи юнкеров. С увеличением штата их, училищный приемный покой был расширен и отлично обставлен. Слабосильным юнкерам отпускалась добавочная порция молока, для чего при училище было организовано молочное хозяйство заведующим хозяйством, подполковником Комарницком,

Училищный врач Бабанчиков оказался ценным сотрудником начальника училища в заботе о состоя-

нии здоровья юнкеров и наблюдения за гигиеной в училище.

- о - о - о - о -

Полковник Войшин-Мурдас-Жилинский, окончивший знаменитое Павловское военное училище, славившееся своей образцовой дисциплиной выправки юнкеров и совершенством строевого обучения, поддерживал и укреплял эти традиции, жившие издавна в Виленском юнкерском училище. Он был строг и требователен в точном и беспрекословном исполнении приказаний, поощряя проявление разумной инициативы и аккуратность в повседневной жизни. При нем блеск строевого образования юнкеров сохранил свою традиционную репутацию.

Во время посещения училища пред Рождеством Христовым 1903 г., вел. князь Константин Константинович буквально был очарован внешним видом и отчетливостью исполнения приемов и строевых перестроений юнкеров и приказал начальнику училища выбрать от каждой роты по четыре юнкера и командировать их в Петербург на рождественские каникулы для несения службы почетных часовых у великокняжеского дворца.

Эти юнкера провели в Петербурге две недели и были приняты как родные в семье августейшего главного начальника военно-учебных заведений.

В знак благодарности за это юнкера приподнесли гостеприимной радушной семье великого князя альбом снимков Виленского юнкерского училища в художественном переплете, сделанном руками юнкеров в училищных мастерских и были счастливы, что их подарок вызвал восхищение.

При полковнике Мурдас-Жилинском, как и при его предшественниках, с особой торжественностью отмечался день училищного праздника 1-го ноября, но на этот раз, юнкера, одетые в новую форму, производили еще лучшее впечатление и на балах, и в церкви, чем всегда.

В его время настоятелем училищного храма был протоиерей Модестов, а церковным хором управлял штабс-капитан Фитингоф.

16 марта 1904 г. полковник Мурдас-Жилинский был произведен в генерал-майоры с назначением начальником военных сообщений Виленского военного округа.

В должности начальника Виленского пехотного юнкерского училища он пробыл свыше четырех лет. Ему

принадлежит честь преобразования училища из двухлетнего в трехклассное, что он блестяще выполнил.

По своим дарованиям, талантам и заслугам он несомненно занимает первое место после знаменитого в истории училища полковника Кононович-Горбатского, бывшего инициатором идеи преобразования юнкерских училищ и первым проводником в жизнь мероприятий для усовершенствования Виленского пехотного юнкерского училища.

- о - о - о - о -

Вместо полковника Войшин-Мурдас-Жилинского начальником училища был назначен полковник Владимир Павлович Родионов, один из образованнейших офицеров генерального штаба. Он окончил Орловскую имени Бахтина военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище и две академии: артиллерийскую и генерального штаба, обе по первому разряду.

Строевую службу офицером он начал в 16-ой артиллерийской бригаде, а службу в генеральном штабе и ценз командования ротой и баталионом в Виленском военном округе.

Между прочим полковник Родионов состоял на разных должностях в штабе Виленского военного округа одновременно с полковником Мурдас-Жилинским и являлся его сверстником.

В марте 1904 г., когда он вступил в начальствование Виленским училищем, ему было 43 года.

Училище в это время уже имело за собой 40 лет со дня звания и прочно установившиеся традиции. Оно было преобразовано в трех-годичное. В нем заканчивались реформы по расширению программ и методов преподавания.

По своим склонностям, складу ума и характера, полковник Родионов был прирожденный талантливый педагог. Энергичный и предприимчивый, он не только продолжал отлично вести дело, прекрасно поставленное преобразователем училища, но и усовершенствовал его в области военно-научной.

В этом отношении его сотрудником и помощником оказался инспектор классов, подполковник Крейчман.

При полковнике Родионове общеобразовательный и военно-научный уровень юнкеров значительно приблизился к курсу военных училищ.

В августе 1904 г. состоялся первый выпуск юнкеров в армейские пехотные полки не подпрапорщиками, а подпоручиками.

Постоянный состав офицеров в период начальствования училищем полковником Родионовым оставался тотже, что и при полковнике Мурдас-Жилинском с незначительными переменами, а именно: командиром 2-ой роты, вместо капитана Войцеховского, был назначен 108 пехотного Саратовского полка капитан Белолипецкий, окончивший два класса академии генерального штаба по 2му разряду; это был выдающийся строевой офицер и отличный преподаватель тактики; из 1-ой роты подполковника Будзиловича ушел капитан Шебуранов, которого заместил штабс-капитан Крикмейер; в 3-ей роте капитана Мостыка, младший офицер, штабс-капитан Алферов, был заменен штабс-капитаном Бухвостовым.

С уходом капитана Шебуранова из старых училищных офицеров времен знаменитых ротных командиров, полковников Александрова и Урняжа, покинувших училище при восьмом его начальнике, полковнике Покатилло, остался только один подполковник Крейчман.

Полковник Владимир Павлович Родионов пробыл в своей должности 2 года и 7 месяцев. За это время он упрочил уклад службы и жизни в реформированном юнкерском училище и дал три выпуска отлично подготовленных офицеров.

20 октября 1906 г. он был назначен директором Псковского кадетского корпуса, а его должность была замещена командиром 23-го пехотного Низовского полка, Николаем Александровичем Хаминым.

В истории училища это был первый случай назначения начальником юнкерского училища полковника с должности командира полка. Обычно было наоборот: начальники юнкерских пехотных училищ, в виде повышения по службе, получали в командование полк.

VII

Одиннадцатый начальник училища, полковник Хамин, завершитель реформы для преобразования юнкерского училища в военное и новатор в постановке военно-научного образования с строевого обучения.

Полковник Хамин вступил в должность начальника Виленского пехотного юнкерского училища в декабре 1906 г. Ему было 42 года от роду, т.е. столько лет, сколько и училищу со дня его основания.

Он родился в 1864 году. Получил образование в I-ой Московской военной гимназии, в 3-м Александровском военном училище и в Николаевской академии генерального штаба, каковую окончил в 1893 г. по первому разряду.

Строевую службу он начал во 2-м пехотном Софийском полку, а потом перевелся во вторую резервную артиллерийскую бригаду.

В генеральном штабе его служба протекла на самых разнообразных должностях в Варшавском и Казанском военных округах.

Строевой ценз командования ротой им был выполнен в лейб-гвардейском С.Петербургском полку, а батальоном в 33-м пехотном Елецком.

Боевой опыт он получил во время войны 1904 - 1905 г., будучи начальником штаба 61-ой пехотной дивизии.

С мая 1905 г. он был прикомандирован к главному штабу, а в октябре того-же года получил в командование 23-й пехотный Низовский полк.

Таким образом, полковник Хамин, вступив в начальствование училищем, обладал богатым служебным стажем, в каковом существенно важным был опыт боевой.

Вступив в начальствование училищем, он начал свою деятельность введением новых методов преподавания на основе опыта войны 1904 - 1905 г. При нем уделялось большое внимание практическим занятиям не только в поле, но и в классах, для чего применялись большие рельефные планшеты из папье-маше. На них, под руководством преподавателей, велись юнкерами двухсторонние "военные игры". На лекциях по тактике теория предмета, по его требованию, всегда освещалась примерами боев в Маньчжурии.

После русско-японской войны в училище прибыло около 200 прапорщиков, произведенных за боевые отличия, для прохождения курса на право остаться на действительной службе. Из них выдержало вступительный экзамен только около 20 человек. Остальные подлежали возвращению в свои части с увольнением в запас.

Полковник Хамин принял горячее участие в их судьбе и исходатайствовал у военного министра разрешение этим прапорщикам остаться на действительной службе, чтобы вновь держать вступительный экзамен в училище.

В 1907 г. он участвовал в съезде в С.Петербурге начальников училищ с их инспекторами классов для обсуждения вопросов по военно-учебному отделу в юнкерских училищах. Его сопровождал полковник Крейчман.

Заседание происходило под председательством великого князя Константина Константиновича и руководилось военным министром Поливановым.

Из постановлений, принятых этим собранием, наиболее существенным было: увеличение числа часов преподавания по тактике с 5 до 8, введение практических занятий по этому предмету, по топографии и фортификации и установление постоянного штата преподавателей из офицеров генерального штаба.

В числе них, при полковнике Хамине, в училище состояли: генерального штаба полковник Левицкий, читавший тактику, Томилин - военную администрацию, полковник Радус-Зенкевич, преподававший военную географию, подполковник Имнадзе - военную историю, полковник Стрелецкий - тактику и артиллерии полковник Гольм - артиллерию и математику.

Кроме названных штатных военных преподавателей, в училище были еще преподаватели "приглашенные", генерального штаба полковники: Рудницкий и Ткаченко, подполковники Кондратьев, фон Дрейер, Н. С. Махров и капитан П. С. Махров.

Подобно тому, как в деле военно-научного образования полковник Хамин стремился поставить на первом месте практические занятия на основе опытов русско-японской войны 1904 - 1905 г., так и в строевом обучении главную роль у него играли учения по подготовке к бою.

Между прочим при нем на Оранском полигоне юнкера впервые ознакомились со стрельбой из пулеметов.

Полковник Хамин был выше среднего роста, плотный, стройный, хорошо сложенный. Его полное, свежее лицо с небольшой, тщательно подстриженой русой бородкой и аккуратной прической густых волос на голове, освещалось красивыми, блестящими глазами, говорившими об его уме, серьезности и доброе. Он отли-

чался элегантностью своих манер, деликатностью и приветливостью. Его всегда можно было видеть безукоризненно по форме одетым, что невольно заставляло училищных офицеров следовать его примеру и заботиться о хорошей пригонке обмундирования юнкеров и о поддержании ими чистоты и опрятности в одежде.

Полковник Хамин был строгий, но разумно требовательный, спокойный и справедливый начальник. Не было случая в училище, чтобы он, делая замечание, повысил бы голос. При нем в училище царила атмосфера удивительного спокойствия, в которой шла неутомимая деятельность. Посещения начальником училища классов, строевых занятий и жилых помещений юнкеров не были ежедневными и частыми. Он не вмешивался в мелочи жизни и службы юнкеров, предоставляя этим заниматься их непосредственным начальникам, а сам периодически всюду заглядывал, как бы для контроля выполнения плана учебного года.

Он проявлял исключительную заботливость об юнкерах, предоставлял им время для культурно-просветительных развлечений. Юнкерские балы I-го ноября, в день училищного праздника, отличались при нем многолюдством и весельем. Большая зала, залитая электричеством, а равно и другие комнаты, предназначавшиеся для приема, отличались чистотой и блеском и красивой и удобной меблировкой. Гостям оказывался радушный прием и угощения.

При нем в постоянном составе офицеров продолжали оставаться те-же лица, что были при полковнике Родионове. Только училищный адъютант, штабс-капитан Шмидт был заменен штабс-капитаном Чевновым, да подполковник Кальвейт, имевший образование двух классов академии генерального штаба, занял установленную должность помощника инспектора классов.

Полковник Хамин прослужил в училище три с половиной года. За это время он закончил подготовку к переименованию юнкерского училища в военное и поставил в нем дело военно-научного и строевого образования на новых началах, вызванных жизненными требованиями опыта русско-японской войны 1904 - 1905 г

Он является завершителем реформ по преобразованию Виленского пехотного трех-годичного юнкерского училища в военное и новатором в установлении программ и методов обучения, отвечавших духу времени.

По деяниям и достигнутым результатам в истории училища ему принадлежит почетное место рядом с первым в нем - генералом Кононович-Горбатским.

22 мая 1909 г. за заслуги свои полковник Хамин был назначен начальником Алексеевского военного училища и передал исполнение своей должности, впредь до назначения нового начальника училища, инспектору

классов, полковнику Крейчману, предполагая, что он и будет его заместителем.

- о - о - о - о -

Полковник Крейчман начал службу в Виленском училище в 1877 г. в звании юнкера и в течении пятнадцати лет прослужил непрерывно в нем на разных должностях строевого и педагогического характера. При нем сменилось шесть начальников училища, для которых он был незаменимым сотрудником. Он являлся как бы живым носителем традиций училища. Его деятельность настолько ярко проявляла отпечаток его личности высокой морали и богатой талантами, что в Вильне об училище говорили: "Виленское училище - это Крейчман".

После отъезда полковника Хамина, Крейчман исполнял его должность в течении трех месяцев и закончил учебный год выпуском офицеров. Все в училище и в Виленском гарнизоне ждали, что он и будет назначен начальником училища, где он пользовался большим авторитетом и глубоким уважением. К тому-же полковник Хамин, давший Крейчману блестящую аттестацию, выдвигал его на эту должность.

9-го августа 1909 г., ко всеобщему недоумению, последовал высочайший приказ о назначении начальником Виленского пехотного юнкерского училища батальонного командира Киевского военного училища, полковника Адамовича, не имевшего высшего военного образования, что не соответствовало основному положению об юнкерских училищах.

VIII

Двенадцатый и последний начальник Виленского пехотного юнкерского училища и первый Виленского военного - полковник Адамович.

Полковник Борис Викторович Адамович был сын генерал-майора, а мать его - известная писательница под псевдонимом Лухмановой. Они владели маленьким поместьем в г. Миргороде Полтавской губ.

Б. В. Адамович получил образование в 3-м Московском кадетском корпусе и во 2-м Константиновском училище, которое он окончил в 1890 г. и был выпущен в лейб-гренадерский Кексгольмский полк, потом переименованный в гвардейский.

Унаследовав от своей матери писательские способности, он с 1892 г. стал помещать свои статьи почти во всех военных журналах. Сначала его произведения имели характер беллетристический, а потом он перешел на печатание исторических очерков и публицистических статей. Не имея высшего военного образования, полковник Адамович делал свою карьеру как выходец из гвардии, но, выражаясь словами Пушкина, "послужил в армии и понюхал пороху".

В 1904 г. гвардии штабс-капитан Адамович, по собственному желанию, отправился на театр военных действий в Маньчжурию и был переведен в 123-й пехотный Козловский полк с переименованием в капитаны. С 26 июня по 18 октября 1904 г. он в полку командовал ротой и участвовал в боях под Анпином, на р. Шахе и под Ляояном, а затем состоял до конца войны в прикомандировании к штабу второй Маньчжурской армии.

После войны, в 1907 г. произведенный в полковники, он был назначен командиром батальона Киевского военного училища.

Там он проявил себя как выдающийся строевой начальник и незаурядный военный воспитатель. Его неутомимая деятельность и результаты, им достигнутые за два года командования батальоном, обратили внимание великого князя Константина Константиновича и завоевали его исключительную симпатию.

В воздаяние заслуг полковника Адамовича августейший главный начальник военно-учебных заведений и выдвинул его на должность начальника Виленского пехотного юнкерского училища.

Когда он вступил в начальствование училищем ему было только 39 лет. Моложе его из всех бывших начальников училища являлся только один знаменитый третий начальник училища, полковник Кононович-Горбатский - 35 лет.

Полковник Адамович принял училище в августе 1909 г., получив богатейшее наследство от своего предшественника, полковника Хамина. Реформированное училище в трехклассное было вполне подготовлено для переименования его в военное.

Расширенное и переустроенное четырехэтажное здание училища отличалось благоустройством и всеми удобствами для службы, обучения и жизни юнкеров. Рядом с училищным зданием находился прекрасный барачный лагерь, построенный полковником Кононович-Горбатским.

В стенах училища жили твердо установившиеся за 45 лет его существования традиции, вдохновлявшие и направлявшие весь порядок службы в нем.

Постоянный состав офицеров отлично знал свое дело. Во главе учебного отдела стоял опытный и талантливый инспектор классов, полковник Крейчман, подобравший отличный преподавательский персонал.

- о - о - о -

Полковник Адамович прибыл в училище как раз к началу учебного года и всецело отдался службе. Казалось, он работал 24 часа в сутки. Во всякое время дня и ночи, в любом месте училища можно было видеть его красочную фигуру. Выше среднего роста, стройный, худощавый, всегда одетый с иголочки, строго по форме, он обращал на себя внимание блеском многочисленных значков и жетонов, украшавших его грудь.

Его аскетическое лицо с маленькими светлыми усиками и тщательно причесанными волосами освещалось проницательными, умными глазами, от взора которых ничто не могло ускользнуть. Лицо его было всегда серьезно. Он никогда не улыбался. Казалось, что он постоянно был озабочен какой-то мыслью. Все его движения, манеры были рассчитаны на определенный эффект, как у опытного актера.

Через полгода после вступления полковника Адамовича в свою должность, 26 февраля 1910 г., стало известно, что великий князь Константин Константинович назначен генерал-инспектором военно-учебных заведений и его заменил генерал Зибелин.

Помощник же великого князя, генерал от инфантерии Кононович-Горбатский, по предельному возрасту был освобожден от службы с пожалованием ему, по высочайшему повелению, мундира действительной службы и с сохранением содержания по последней должности. Так исключительно были отмечены его заслуги по военно-учебному ведомству.

- о - о - о -

I-го сентября 1910 г. последовал приказ о переименовании юнкерских училищ в военные с дарованием им всех прав последних.

В штат училища была введена должность батальонного командира и постоянный строевой офицерский состав подлежал зачислению по гвардейской пехоте. Училищу было пожаловано знамя и устанавливалась форма одежды, ничем не отличавшаяся от таковой училищ военных.

Полковник Адамович был двенадцатым и последним начальником Виленского пехотного юнкерского училища и, прослужив в этой должности один год, I-го сентября 1910 г., стал первым начальником Виленского военного училища.

Однако, это военное училище далеко не было еще ни по своей структуре таким, как коренные военные училища.

Прежде всего, оно продолжало оставаться трехлетним;в силу необходимости приходилось принимать в училище молодых людей без законченного среднего образования и дополнять его в общем классе, а затем состав юнкеров не был однороден ни по происхождению, ни по воспитанию, как в училищах военных старых.

Полковник Адамович это видел и чувствовал. Он поставил себе целью устранить эти недостатки и начал дело тщательным отбором юнкеров. В течении первых двух лет он беспощадно отчислял из училища элемент, казавшийся ему неподходящим. В 1912 г. из поступивших при нем юнкеров выпущено было только около 30 %

Полковник Адамович был один из верноподданнейших монархистов и всем своим существом отдавался служению престолу и отечеству. Начав службу в гвардии, он сохранил любовь к блеску военного мундира и к красоте военного строя. Плац-парадная сторона дела у него занимала видное место.

Строевую "муштру" перед смотрами великого князя Константина Константиновича он доводил до акробатизма, вызывая восторг августейшего генерал-инспектора военно-учебных заведений. Им уделялось много внимания обучению отдания чести и тщательности пригонки обмундирования.

При нем новая форма одежды отличалась от старой тем, что красный кант и желтый трафарет букв "В. Ю." на синем погоне отсутствовали, а шинели серого солдатского сукна были заменены сукном более тонким, "серо-немецким".

Отдаваясь всецело службе, полковник Адамович любил, чтобы его труды были замечены и отмечены и умел обратить внимание на свои достижения.

На всех смотрах и парадах и особенно на балах 1-го ноября, в день училищного храмового праздника, он приводил в восхищение всех присутствовавших красотой и блеском совершенства юнкерского строя, убранством храма и зал, элегантностью обмундирования юнкеров и их благовоспитанностью.

Он покрыл стены зал и потолок в столовой красивыми надписями знаменитых изречений. Чаще всего и всюду на видном месте и даже на столах можно было прочесть два афоризма творчества самого Адамовича: Первый - "Виленец один в поле и тот воин", а второй - "к высокому и светлому знай верный путь".

В 1910 г. им был учрежден училищный жетон с эмблемами и начертанием этих девизов. Однако первый из них не встретил всеобщего одобрения и признания офицерства, так как он противоречил народной мудрости, гласящей: "один в поле не воин".

В порядке военно-научных занятий он не внес ничего нового и никаких изменений. Они продолжали вестись так, как было установлено его предшественником, полковником Хаминым и инспектором классов, полковником Крейчманом. Но он часто заглядывал в классы и посещал практические занятия в поле и очень любил, когда они отличались жизненностью, будили мысль и вызывали проявление инициативы.

Наблюдая за работой преподавателей, полковник Адамович умел выражать им свою благодарность за достигнутые результаты°/.

Никто из начальников училища не уделял столько времени непосредственному общению с юнкерами, как полковник Адамович. Он знал каждого юнкера индивидуально и умел заглянуть в его внутренний мир,

---

°/ См. приложение к памятке: Приказ Виленскому военному училищу от 24 апреля 1912 г.

дабы ласковой беседой подбодрить падающего духом, чтобы добрым словом окрылить надежды успевающего и отметить наградой достойного.

Свои поучения и советы юнкерам он любил выражать краткими афоризмами, которые на всю жизнь сохранялись в памяти его воспитанников. Будучи человеком справедливым и сердечным, полковник Адамович всегда находил способ помочь юнкеру исправить свои ошибки и выйти на правильный путь.

Предъявляя большие требования юнкерам на службе и занятиях, он очень заботился о здоровьи юнкеров и о предоставлении им необходимого отдыха и развлечений.

При нем часто посещал училище великий князь Константин Константинович, питавший к Адамовичу большую симпатию. Дни его пребывания в училище для юнкеров были днями праздников и веселья.

Из нововведений полковника Адамовича можно отметить прикомандирование к училищу взвода кавалерии в 30 всадников с офицерами инструкторами для обучения юнкеров верховой езде; по его предложению, в период прибытия новобранцев, четыре раза в месяц юнкера посещали казармы полков местного гарнизона и принимали участие в обучении молодых солдат; ему принадлежит установление торжественной церемонии поздравления выпускных юнкеров с производством в офицеры и трогательного прощания их со знаменем, которое они коленопреклоненно целовали; в 1910 г. он ввел училищный встречный марш, ноты которого были написаны юнкерским учителем музыки Галковским по словам стихотворения "наш полк", воспетым августейшим поэтом К.Р. в Красном Селе 24 мая 1899 г.°/.

Полковник Адамович начал свою службу в училище в сотрудничестве с офицерами, оставшимися после полковника Хамина, но через два месяца заменил командира 1-ой роты, подполковника Будзиловича подполковником Крикмейером.

В 1910 г., с введением в штат училища должности батальонного командира, он ее заместил полковником. Аполлоном Ивановичем Веригиным, своим сослуживцем по Киевскому военному училищу, выдающимся во всех отношениях штаб-офицером.

К 1913 году почти все строевые постоянного состава офицеры уступили место новым: командиром 2-й роты стал капитан Бутурлин, 3-й капитан Овсяный и 4-й капитан Борецкий, которого потом заменил капитан Звегинцев. Все они были офицерами гвардейских полков, а Бутурлин имел образование двух классов академии генерального штаба.

°/ См. приложение к памятке об училище

В период времени с I сентября 1909 г. по 6 августа 1913 г. в числе младших офицеров, служивших при полковнике Адамовиче, значились: в I-ой роте штабс-капитаны Георгиевич и Симоненков, оба георгиевские кавалеры, во 2-ой поручик Алексеев и поручик Рейс и в 3-ей штабс-капитаны Мириманов и Глухов.

Начальником пулеметной команды был штабс-капитан Анненков, а заведующим хозяйством штабс-капитан Клауз.

Должность училищного адъютанта продолжал занимать гвардии капитан Чевнов, а помощника инспектора классов подполковник Кальвейт.

С 1911 г, при полковнике Адамовиче впервые начались выпуски юнкеров в офицеры в ездящую и крепостную артиллерию и в инженерные войска. К этому времени весь кадровый состав строевых училищных офицеров был зачислен по гвардейской пехоте. 6 декабря 1912 г. состоялось производство полковника Адамовича в генерал-майоры. 25 апреля 1913 г. инспектор классов полковник Крейчман был награжден этим-же чином с увольнением по болезни в отставку, с мундиром и пенсией. Его должность заместил генерального штаба полковник Николай Владимирович Анисимов , состоявший штатным преподавателем в Чугуевском военном училище.

В 1914 г. полковник Адамович исходатайствовал пред своим августейшим покровителем право на установление нагрудного значка в память пятидесятилетия существования училища, что и последовало в изъятие из правил, на основании которых такие значки жаловались воинским частям только к столетию их юбилеев

6 октября 1914 г. генерал-майор Адамович был назначен командиром лейб-гвардии Кегегельмского полка и сдал свою должность инспектору классов Виленского военного училища, полковнику Анисимову.

I.

Второй и последний начальник Виленского военного училища и тринадцатый со дня основания Виленского пехотного училища, полковник Анисимов.

Полковник Николай Владимирович Анисимов получил образование: в первой виленской классической гимназии, в киевском пехотном юнкерском училище, на военно-училищных курсах и в Николаевской академии генерального штаба, которую окончил по первому разряду в 1899 г.

Свою строевую службу он начал в 27-ой артиллерийской бригаде, а службу генерального штаба в штабе 44-ой пехотной дивизии и в штабе Киевского военного округа с 1900 по 1909 г.

Потом он состоял штатным преподавателем военных наук в Чугуевском пехотном юнкерском и военном училище до 23 апреля 1913 г. /с годичным перерывом с 1907 по 1908 г. службы в штабе Виленского веонного округа/.

23 апреля 1913 г. полковник Анисимов был назначен инспектором классов Виленского военного училища а в октябре 1914 г. принял это училище как его начальник от генерала Адамовича.

Он был хорошо знаком с постановкой в училище порядка службы и укладом жизни в нем в мирной обстановке. Теперь же ему предстояла деятельность иного характера, в условиях военного времени.

С января 1915 г. училище стало двух-годичным, т.е. сделалось таким, как и старые коренные военные училища.

Общий класс трех-годичного курса был упразднен, так как недостатка в молодых людях со средним законченным образованием не ощущалось. Поступавшие на укомплектование училища юнкера представляли собой элемент крайне разнородный. Были гимназисты, реалисты, семинаристы, кадеты, ученики коммерческих школ, студенты, землемеры, инженеры, юристы, преподаватели разных учебных заведений и пр. Можно было встретить юношей 16 лет и почтенных отцов семейства лет за 40. Прибывали со стороны называвшиеся на юнкерском языке "шпаками" и из войсковых частей.

Между тем последовало установление ускоренных выпусков офицеров через каждые четыре месяца и вот вышеуказанный контингент предстояло начальнику училища в такой короткий срок преобразовать в офицеры для пополнения ими рядов на фронте.

Полковник Анисимов имел достаточный опыт педагогической деятельности, будучи преподавателем военных наук в Чугуевском пехотном юнкерском и военном училище.

Он написал курс тактики, который пользовался репутацией одного из лучших учебных пособий.

В виде эпиграфа, на первой странице этой книги им было помещено его толкования известного завета князя Святослава своей дружине перед битвой:

"Мне скажут", писал автор, "не посрамим земли Русской, ляжем костьми, мертвые бо сраму не имут". "Нет, отвечу я, что толку, что вы ляжете костьми, а противник пройдется по ним. Вы сделайте так, чтобы противник лег костьми, а вы бы прошлись по ним".

Эта идея была вполне воспринята учениками полковника Анисимова и одобрена офицерством в армии.

Один из Виленцев, полковник П. С. Серебряков, по этому поводу писал: "Уж только одно это толкование, к которому я присоединяюсь всем сердцем и помышлением, ставит генерала Анисимова, как педагога, неизмеримо выше других".

- о - о - о - о -

После ухода генерала Адамовича в училище остался отборный состав кадровых строевых офицеров с батальонным командиром, полковником Веригиным во главе, но большинство из них стремилось уехать на фронт.

15 июля 1915 г., по условиям военной обстановки, произошла эвакуация училища из Вильны в Полтаву Там оно было расквартировано в местной духовной семинарии и в епархиальном училище. Пред семинарией находилась площадь, где можно было производить строевые учения, а рядом был тир для стрельбы при полтавском кадетском корпусе. В помещении духовной семинарии имелась домовая церковь.

В 1915 г. строевой постоянный состав училищных офицеров стал таять. Уже не было командира 1-й

роты, гвардии капитана Крикмейера. Его заменил командир 2-й роты, гвардии капитан Бутурлин, а на его место стал гвардии капитан Мириманов. Вместо убывшего на фронт командира 3-й роты, гвардии капитана Овсяного, был назначен гвардии капитан Рейс, а на должность командира 4-й роты, вместо гвардии капитана Звегинцева, гвардии капитан Зеленский.

Из старых курсовых офицеров остались только капитан Барышев, штабс-капитан Баранончик и начальник пулеметной команды, штабс-капитан Анненков, которому юнкера дали почему-то кличку "Ермолай".

В дальнейшем, с отъездом полковника Веригина на театр военных действий, командиром батальона был назначен командир I-й роты, гвардии капитан Бутурлин. Его заменил гвардии капитан Барышев. Вместо училищного адъютанта гвардии капитана Чевнова стал гвардии капитан Жеромский, один из младших офицеров строевого состава.

В числе новых, прибывших в училище в 1915 - 1917 гг., оказались: 119 пехотного Коломенского полка капитан Муратов, поручики Добровольский и Бубнов и прапорщики Антон Димитриевич Жук и Синицын.

В 1917 г. Муратов и Чевнов, по собственному желанию, уехали на фронт. Первый перевелся в 313й пехотный полк, а второй в 14-й Сибирский стрелковый. В августе 1917 г. полковник Чевнов на позициях под Ригой был поднят на штыки разнузданными солдатами за свою требовательность в соблюдении дисциплины, которая в это время стала падать.

Вместе с переменами в составе строевых кадровых офицеров в училище поредели и ряды штатных преподавателей, офицеров генерального штаба. Постепенно все они отправились на театр военных действий. Из старых военных преподавателей остались только артиллерист, полковник Гольм, полковник Кальвейт, ставший инспектором классов в училище, да полковник Антонов, вскоре занявший должность директора Полтавского кадетского корпуса.

Новыми, по училищным преданиям, явились: военный юрист, полковник Б.Н. Ленский и полковник Вацетис, окончивший в 1910 г. академию генерального штаба по второму разряду. Последний вскоре покинул училище, будучи назначен формировать отдельный латышский батальон. Сам он был латыш и вышел в офицеры из солдат. Окончив Рижский унтер-офицерский учебный "образцовый" батальон, он в возрасте около 30 лет поступил в Виленское пехотное юнкерское училище и, через десять лет по выходе в офицеры, поступил в академию генерального штаба.

Он отличался удивительным трудолюбием, упорством и настойчивостью и был известен как очень хороший строевой офицер.

Во время Революции Вацетис перешел на службу в Красную Армию, где получил звание профессора военной академии и занимал ряд видных командных должностей.

Уход из училища на фронт опытных офицеров постоянного строевого состава и лучших военных преподавателей генерального штаба ставил полковника Анисимова в затруднительное положение. Ему лично приходилось напряженно работать всюду, где отсутствовали его опытные помощники.

Полковник Анисимов был выше среднего роста, широкоплечий и хорошо сложенный. Его открытое, моложавое лицо с едва отмеченными маленькими светлыми усиками украшалось кроткими, умными глазами и дышало скромностью и приветливостью. Он был чрезвычайно деликатен, прост в обращении и набожен. Одевался без всякой претензии на элегантность и был совершенно равнодушен к блеску воинского наряда. Его почти всегда можно было видеть или в мешковатом, военного времени кителе, или в солдатской шинели и всегда занятым делом.

Непосредственно с юнкерами он соприкасался сравнительно редко, только когда это вызывалось необходимостью его личного присутствия и влияния.

Большую часть времени полковник Анисимов уделял педагогической деятельности и изучению разных боевых эпизодов, имевших место на театре войны.

Он всегда с особым интересом выслушивал рассказы офицеров прибывших с фронта о их боевой службе, облекал эти повествования в тезисы на основах своего корректива Святославова призыва "лечь костьми" и преподносил их юнкерам на занятиях в классах и в поле.

В преподавании военных наук и в строевом обучении он переместил центр тяжести исключительно на практику дела боевой подготовки юнкеров.

При нем программы периодически обновлялись, методы обучения менялись, но училищные традиции продолжали жить как и прежде.

На первом месте стояла традиционная дисциплина и, что курьезнее всего, сохранились даже традиционные юнкерские "цукания". По этому поводу один из воспитанников полковника Анисимова выпуска 1916 г., Леонид Сергеевич поручик Кузнецов записал: "и вот юнкер старшего класса, в прошлом кадет 17 лет, "цукает" младшего курса юнкера - инженера или преподавателя лет 35 - 40, отца семейства, за то, что он живот выпятил. Ему хочется во имя традиции 'подтянуть' этого шпака".

Традиционная требовательность военной выправки продолжала жить и при ускоренных выпусках. Были случаи, что юнкера, не поддававшиеся физическому перевоспитанию, не производились в офицеры.

Традиционные балы I-го ноября были отменены, но день храмового праздника свв. Космы и Дамиана отмечался торжественным богослужением.

При полковнике Анисимове выпускные юнкера производились не в подпоручики, а в прапорщики и это событие не сопровождалось никакими церемониями.

Дело происходило просто. Начальник училища объявлял выпускным юнкерам приказ о производстве их в офицеры, а затем в училищной церкви совершалось напутственное молебствие пред отъездом их в запасные батальоны.

Офицеры выпусков полковника Анисимова по своему воспитанию и военной подготовке пользовались хорошей репутацией в войсках.

6 декабря 1916 г. полковник Анисимов за отличие по службе был произведен в генерал-майоры.

В 1917 г. ему суждено было испытать тяжелое моральное переживание. Он был верноподданный монархист и все свои лучшие годы отдал служению царю и Родине. Вынужденное отречение от престола государя императора Николая II-го для него было страшным ударом, а июльские и осенние дни "керенщины" окончательно поколебали его душевное равновесие.

Он стал мистиком подобно тому, как это случилось с "воеводой" генералом Дитерихсом после крушения армии генерала Колчака.

К концу 1917 г. генерал Анисимов крайне изменился. Он осунулся, стал молчаливым. Казалось, его тяготил военный мундир... Часто посещая церковные богослужения, он предавался горячей молитве. По субботам, на вечерней службе, по его приглашению присутствовали юнкера, слушая чтение молитв и акафиста Пресвятой Богородице, составленных самим начальником училища.

По свидетельству подполковника Антона Димитриевича Жука, бывшего в чине прапорщика курсовым офицером во времена генерала Анисимова, 14 ноября 1917 г. в училище состоялось общее собрание офицеров и юнкеров, для обсуждения мероприятий в случае вторжения красных войск в Полтаву.

Кто на нем председательствовал и как оно велось, к сожалению, в училищных преданиях об этом не упоминается. Известно однако, что собрание вынесло постановление, по которому "согласно выработанному

плану" училище должно было отходить на Киев для соединения с другими, там находившимися училищами.

В конце декабря 1917 г., генерал Анисимов отпустил юнкеров на рождественские каникулы. В училище осталось менее роты.

5 января 1918 г. красные неожиданно вторглись в Полтаву. Большевицкий отряд окружил здание училища, в котором забаррикадировались юнкера, и готовился его штурмовать. Сам генерал Анисимов с частью юнкеров в это время находился в училищной церкви, где шло вечернее богослужение с чтением акафиста Пресвятой Богородице. Его мистической душе претило пролитие крови в братоубийственной борьбе.

Когда стемнело, красные бросились в атаку. Осажденные во время успели оборвать электрические провода и, под покровом ночи, рассеялись не понеся потерь.

Генерал Анисимов был арестован большевиками и куда-то увезен.

Так кончило свое существование Виленское военное училище, в котором генерал Анисимов состоял вторым и последним его начальником и тринадцатым со дня основания Виленского пехотного юнкерского училища.

За три года пребывания в этой должности он дал армии около 1800 офицеров.

Виленское трех-классное военное училище времен генерала Адамовича за 4 года выпустило около 400 подпоручиков. Виленское пехотное юнкерское училище, за сорок шесть лет своей деятельности, подготовило в армию 4371 портупей-юнкеров, подпрапорщиков и офицеров.

В общем, за 53 года своего существования, училище поставило в войска свыше 6500 портупей-юнкеров подпрапорщиков и офицеров.

- о - о - о - о -

ПРИЛОЖЕНИЕ

к исторической памятке
о
Виленском пехотном юнкерском и военном училище.

- о -

Приказ
по Виленскому Военному Училищу 24 апреля 1912 г.

С окончанием зимнего курса истекшего учебного года, Училище несет в рядах своих преподавателей заметную потерю: по причине перевода в Севастополь прекращает преподавание капитан генерального штаба Махров.

Чтобы не навлечь впоследствии на Училище упрека в том, что оно не заметило в среде своих бывших воспитанников и сотрудников офицера выдающихся дарований, отмечаю в приказе службу в наших рядах капитана Махрова и прошу его принять от Училища сердечное спасибо и горячие пожелания.

Окончив училище в 1897 г. фельдфебелем, Петр Семенович Махров в 1907 г, просвещенным боевым опытом капитаном генерального штаба вернулся в родные стены преподавателем тактики.

Слушатели его лекций долго будут помнить эти искренние речи влюбленного в свое дело талантливого человека, чуждого всяких рутинных приемов и скучных шаблонов, увлекавшего всех своими увлечениями

Никогда и я не забуду ни его лекций, ни участия в совещаниях, ни веселой работы в поле, ни благородной готовности исполнить за простое спасибо какую угодно лишнюю работу, лишь бы шло хорошо наше общее дело. И убежден, что мое и юнкерское спасибо Петр Семенович примет, как одну из лучших наград за его честную службу, которой он отблагодарил родное Училище.

Начальник Училища
полковник Адамович
Адъютант
гвардии капитан Чевне

Подлинный приказ, вместе со всеми документами и материалом, касающимся истории Виленского пехотного юнкерского и военного училища, хранится в архиве русского исторического отдела при Колумбийском университете: 833, Butler Library, Columbia University in the City of New York. U. S. A.

МАРШ ВИЛЕНСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА -

"Н А Ш   П О Л К"

Наш полк. Заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Другим оно старо, для нас - все так же ново
И знаменует нам и братство и семью.

О, знамя ветхое, краса полка родного,
Ты бранной славою венчанное в бою.
Чье сердце за твои лоскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою.

Полк учит нас терпеть безропотно лишенья
И жертвовать собой в пылу святого рвенья.
Все благородное: отвага, доблесть, долг,
Лихая удаль, честь, любовь к отчизне славной,
К великому царю и вере православной
В едином слове том сливается: наш полк.

К. Р.

Красное Село
3I мая I899 г.

Ноты этого марша хранятся в историческом отделе русского архива при Колумбийском университете в Нью Йорке.

- o - o - o - o - o -
- o - o - o - o -
- o - o - o -
- o - o -
- o -
o

Того-же автора :

ВОЕННАЯ ТАЙНА И ВОЕННАЯ ЦЕНЗУРА
Издание "Офицерской жизни". Варшава 1909 г.

ВОЖДЕНИЕ КОРПУСА В ПОЛЕВОЙ ВОЙНЕ
Перевод с немецкого.
Издание штаба Виленского военного округа, Вильна 1910 г.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА И ЕГО СЛУЖЕБНАЯ ПРАКТИКА
Издание "Братской помощи", Москва 1911 г.

БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА 1912 г.
Севастополь 1913 г.

ПРИМЕНЕНИЕ ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ НА ВОЙНЕ
Лекции, читанные автором в Севастопольской авиационной школе в 1912 - 1914 гг.
Издано, по приказанию великого князя Александра Михайловича, школой авиации. Севастополь 1914 г.

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ ?
Париж 1938 г.

КТО И ПОЧЕМУ МОГ ПОХИТИТЬ ГЕНЕРАЛОВ КУТЕПОВА И МИЛЛЕРА
/на русском и французском языках/
Париж

- о - о - о -